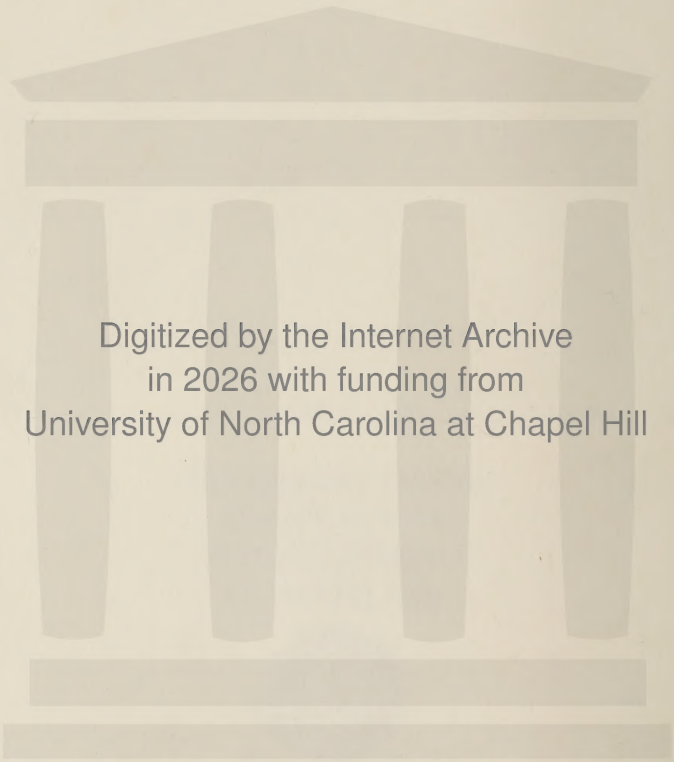
PG2996
.M87
1927

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG2996
.M87
1927

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008163337


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/izliteraturnogop00mush

В. Ф. МУШНИКОВ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ
ПО ЛЕНИНГРАДУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО / 1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

„В ПОМОЩЬ ЭКСКУРСАНТУ“

Меншуткин Б. — М. В. Ломоносов. Жизнеописание. Изд. 2-е. Стр. 160. Ц. 55 к.

Луначарский А. — А. Н. Радищев. Первый пророк и мученик революции. Стр. 8, 20. Ц. 3 к.

Щеголев П. — Декабристы. Стр. 362. Ц. 3 р.

Грибоедов А. — Горе от ума. Под. ред. Н. Пиксанова. С портретом. Стр. 191. Ц. 85 к.

Сборник Пушкинского Дома на 1923 г. Пушкин. Дельвиг. Крылов. Жуковский. Тургенев. Писарев. Герцен. Чернышевский. Полонский. Стасов. Л. Толстой. Стр. 332. Ц. 2 р.

Дневник Пушкина. (1833-1835.) Под ред. и с объяснит. примеч. Б. Модзалевского и со статьей П. Щеголева. Стр. 275. Ц. 2 р. 75 к.

Эйхенбаум Б. — Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Стр. 168. Ц. 1 р.

Герцен А. И. — 1870 — 21 января — 1920. (Сборник, посвященный характеристике его личности, жизни и творчества.) Стр. 64. Ц. 5 к.

Плеханов Г. — В. Г. Белинский. Сборник статей с предисловием Б. Ваганяна. Стр. 330 Ц. 90 к.

Евгеньев-Максимов В. Е. — Н. А. Некрасов. К столетию рождения. Стр. 148. Ц. 30 к.

Евгеньев-Максимов В. Е. — И. А. Гончаров. Жизнь, личность и творчество. Стр. 168. Ц. 60 к.

Клевенский М. — В. М. Гаршин. Стр. 96. Ц. 60 к.

Кубиков И. — В. Г. Белинский. Жизнь и литературная деятельность. Стр. 128. Ц. 60 к.

Кубиков И. — Глеб Успенский. Стр. 120. Ц. 90 к.

Львов-Рогачевский В. — И. С. Тургенев. Жизнь и творчество. Стр. 230. Ц. 1 р. 30 к.

Полянский (П. И. Лебедев). — Н. А. Добролюбов. Стр. 136. Ц. 60 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

PG2996
.M87
1927

В. Ф. МУШНИКОВ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ
ПО ЛЕНИНГРАДУ

IZ LITERATURNAGO
PROSHLOGO

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 22379/л.
Ленинградский Гублит № 49038.
5 1/2 л. Тираж 3.000.

ОТ АВТОРА.

Экскурсионное дело в СССР развивается неслыханно быстрым темпом. Статистика считает экскурсии разного рода уже десятками тысяч. Экскурсии ведутся по всем возможным линиям, вглубь и вширь, для подготовки к усвоению того или иного факта или явления и для иллюстрации их, с общеобразовательными целями и со специальными.

Естественно, что возник тип и так наз. „литературной экскурсии", примыкающей к определенному школьному курсу или просто ставящей себе задачу углубить литературные эмоции, сплетая их с тканью самой жизни, создать в воображении экскурсантов контакт между „словом" писателя и вещественной средой, его окружавшей и на него влиявшей. Но литературные экскурсии, поскольку литература многогранна и сложна, должны были сразу дать ряд разновидностей. Одну из этих разновидностей — экскурсии литературно-биографические — имеет в виду предлагаемая работа.

Биографии писателей являются весьма важной частью всякого литературного изучения. Знакомство с ними, а также с историческим фоном, на котором протекала деятельность писателя, приобретает особое значение при господстве социологического метода, изучающего прежде всего всяческий „быт". Но однако словесного знания здесь мало, — надо его облечь плотью, надо подвести изучающего или просто интересующегося вплотную

к вещам, связанным с памятью писателя,—к дому, где он жил или создавал свои произведения, к предметам обихода, оставшимся после него, к рукописям его, чтобы мертвое стало живым и чтобы самое слово „писатель", часто звучащее отвлеченно, отозвалось в душе чем-то близким, человеческим. „Слова: „на том самом месте",—говорит Н. П. Анцыферов,—имеют какую-то особую власть над сознанием". Здесь м е с т о, ознаменованное памятным событием, побеждает как бы в р е м я.

И в больших исторических городах, центрах в течение длинного ряда лет интенсивной умственной жизни, всегда есть эти „те самые места", перед которыми или среди которых так легко пережить нужные для проникновения в тайники литературы настроения. Таков Ленинград, где столько жило и умерло писателей, и где двести лет находился главный очаг всей русской умственной культуры.

Мы попробовали собрать факты, относящиеся к „этим самым местам" в Ленинграде, и снабдили их посильным комментарием. Но, конечно, необходимо, чтобы у экскурсантов была некоторая предварительная подготовка, чтобы они знали биографию писателя и его портрет и были бы знакомы с общими чертами эпохи. Иначе у них не получится достаточного количества живых ассоциаций.

Мы построили наше изложение по хронологической схеме, выбрав имена, наиболее близкие и школе и массовому читателю. Нам думается, что материал, собранный в книжке, может быть далеко небесполезен и для отдельных лиц, ищущих знания, количество которых, благодаря созданному революцией подъему всех жизненных сил страны, столь быстро и неуклонно растет.

XVIII ВЕК.

В 1703 году положено начало Санкт-Петербургу — городу, которому уже в колыбели, у самого порога жизни, суждено было стать столицей великого и по пространству и по мировому значению государства, открывая так наз. „петербургский период русской истории". С осушкой ингерманландских болот, под унылые песни целой армии пригнанных отовсюду плотников и каменщиков, культурный фокус тогдашней России перекинулся из Москвы на берега Невы, и отныне надолго вся умственная жизнь огромной страны сосредоточивается в Петербурге. Здесь возникают научные учреждения, живут ученые, писатели и художники. Пышный двор, подражая „Королю-Солнцу", окружает себя одаренными людьми, стараясь выжать из них, во славу свою, все возможное и, в свою очередь, одаряя их и „милостивым вниманием" и благами земными.

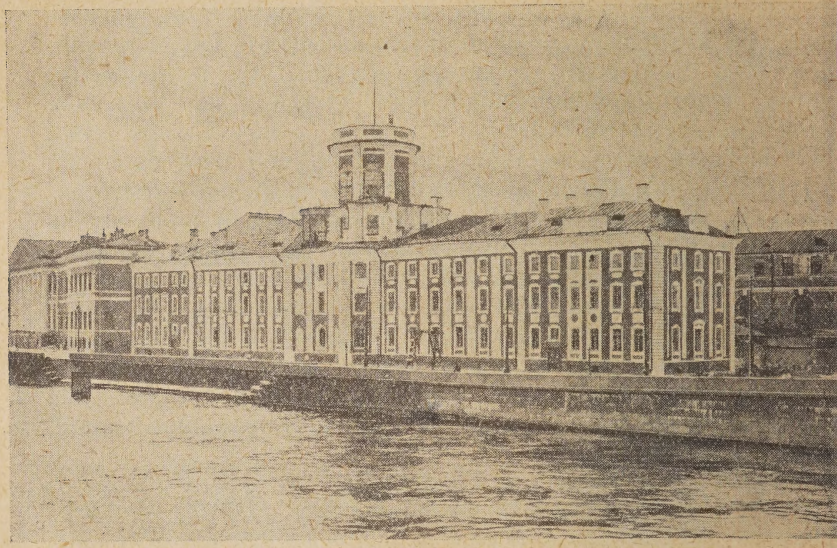
Что же осталось в Ленинграде от этого громкого века такого, что могло бы вызвать у нас благодарную память о творцах русского слова, как раз в XVIII веке положивших основание тому языку, на котором писали Пушкин, Тургенев и Чехов и пишут современные авторы, закрепляющие в своих произведениях завоевания великой русской революции?

Кунсткамера. От первой половины века среди зданий своеобразного ученого городка, занимающего стрелку Васильевского острова, сохранилась Петровская „кунсткамера", высокий трехэтажный дом с башней, где в XVIII веке помещалось собрание редкостей и знаменитый Готторпский глобус,[1] а в XIX и в начале

[1] Подаренный Петру голштинским герцогом; глобус имел $7^1/_2$ саж. в поперечнике, причем внутри его стояли стол и скамья, на которой могли разместиться двенадцать человек.

XX — библиотека Академии, переведенная теперь, как известно, в специально построенное здание на Университетской линии.

„Кунсткамера“ выстроена в 1723 — 1728 гг., по преданию, на месте двух сросшихся сосен, давших мысль Петру именно здесь устроить музей всяких редкостей — „раритетов“; в 40-х годах XVIII столетия она горела и в 50-х восстановлена и несомненно видела в своих



Кунсткамера.

стенах много раз Ломоносова, принимавшего всегда самое энергичное и деятельное участие во всяких академических делах.

Ломоносов. По приезде в Петербург из-за границы в 1741 году Ломоносов долго жил на Васильевском острове, между 1-й и 2-й линиями близ Тучкова моста, в двух комнатах небольшого домика среди академического ботанического сада, а на заседания и вообще „на службу“ в Академию ему приходилось ходить через весь остров, к Большой Неве. Набережной перед тогдашними академическими домами еще не было, и на

берегу, у самой „кунсткамеры“, часто можно было видеть костры судорабочих, пригонявших в „Питер“ барки с хлебом и лесом; во время же частых наводнений вода угрожала собранным в кусткамере редкостям.

Во второй половине 50-х годов Ломоносов получил погорелый участок на Мойке (где теперь дом № 61) с тем, чтобы в течение 5 лет на нем был выстроен каменный дом. В жизни Ломоносова это был как раз период увлечения мозаикой, и вот на участке немедленно же возводится большая мастерская для изготовления картины „Полтавская баталия“ и при ней 10 каменных „покоев“ для рабочих. Затем уже появляется трехэтажный дом со службами, с большим балконом и тенистым садом с беседкой. В доме — химическая лаборатория. В ней великий человек производит свои исследования, в беседке часто пишет, а на балконе, за чаем, принимает земляков поморов, когда они приезжают из Архангельска. Трудно, действительно, представить себе, чтобы они, попав в столицу, не пользовались случаем повидать своего знаменитого земляка, еще недавно „беглого“, за которого его Куроостровская волость вносила ежегодно 1 р. 20 к. подушного оклада, а теперь „важного барина“, вхожего к самой „матушке-царице“.

Дом Ломоносова после его смерти перешел к его единственной дочери, бывшей замужем за библиотекарем Екатерины II Константиновым, а от нее — к их зятю, знаменитому генералу 1812 года и отцу княгини М. Н. Волконской, героини „Русских женщин“, Н. Н. Раевскому. Еще позже отсюда отправлялись в Москву казенные почтовые кареты и на месте усадьбы Ломоносова был построен для этой цели дом, который, в значительно измененном виде, стоит на улице Герцена, наискосок от реформатской церкви, и доныне.

Прах Ломоносова 8 апреля 1765 года был торжественно перевезен для погребения в Александро-Невскую лавру, на кладбище, где тогда хоронили всех „знатных людей обоего пола“. Великолепный по тогдашнему памятник воздвиг на могиле Ломоносова большой почитатель его, канцлер гр. М. И. Воронцов. Памятник этот, на Лазаревском кладбище, ныне обращенном в музей, после двух реставраций отлично сохранился и до сих пор. Он из

белого каррарского мрамора с золотыми украшениями и имеет четырехгранную форму. Кроме длинной надгробной надписи на двух языках, русском и латинском, составленной академиком Штелиным, на нем обращает на себя внимание удивительно художественной работы барельеф, изображающий атрибуты наук, искусств, промышленности и торговли, всех тех областей человеческой деятельности, в которых, прямо или косвенно, так много сделал своими исследованиями и сочинениями Ломоносов.

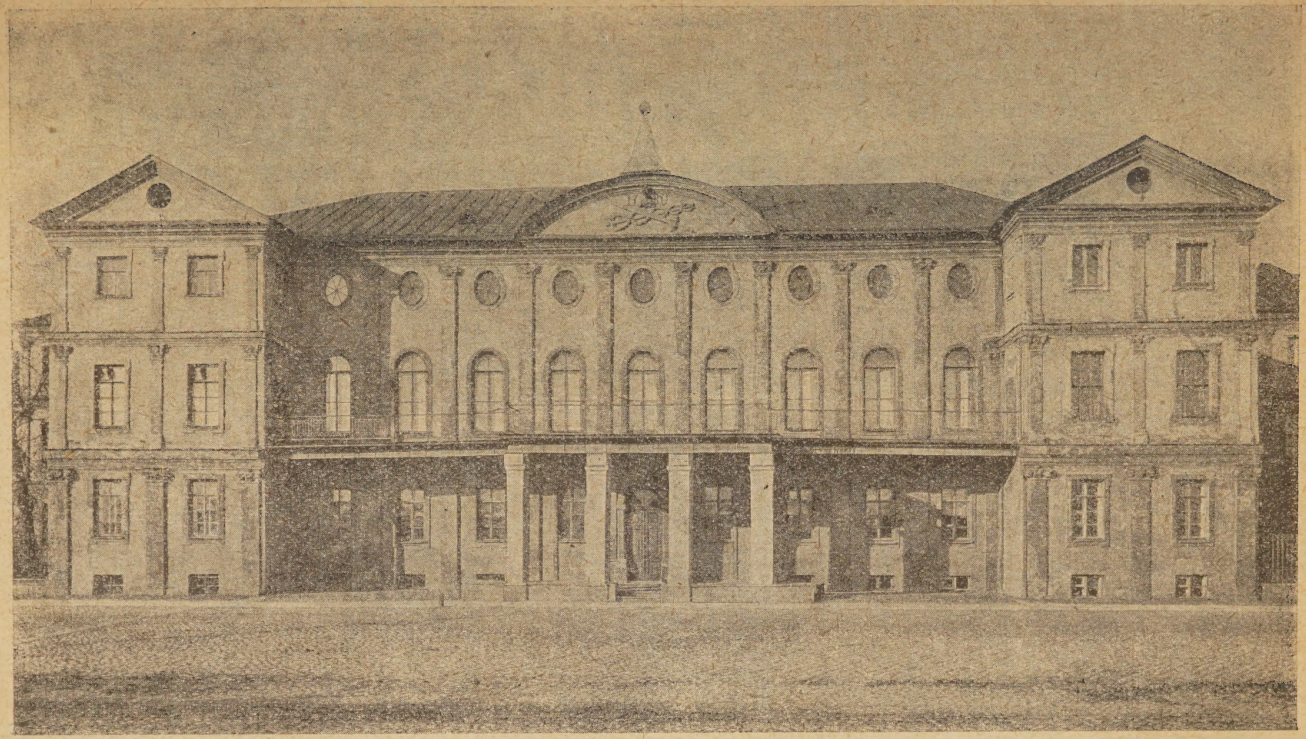
Ленинград не удосужился еще поставить памятника великому своему согражданину, который был бы достоин его значения в истории русской науки и литературы, но бюст Ломоносова является все-таки украшением одного из скверов Ленинграда, хотя и очень скромным. Мы говорим о бюсте Ломоносова, работы Забелло, поставленном в 1892 году городским общественным управлением Петербурга в сквере на Чернышевской площади у Чернышева моста. Голова Ломоносова отлично вылеплена; на сером цоколе, кроме обычных дат, — барельеф из черной бронзы, изображающий юношу, скорее мальчика, на груде сетей читающего книгу, и знаменитое пушкинское четверостишие:

Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок! Оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Начало русского театра.

Переносясь мысленно в эпоху Ломоносова, мы отметим еще здание, тоже до сих пор сохранившееся на Васильевском острове и тоже связанное с фактом крупного общественного значения. Мы говорим о начале русского театра в Петербурге, о первом представлении „Хорева“ Сумарокова в сухопутном Шляхетном кадетском корпусе, помещавшемся с 1732 года в б. дворце Меньшикова на набережной Большой Невы, на углу теперешней Съездовской (б. Кадетской) линии. Дом этот, построенный „придворным княжим архитектом“ Шеделем, изменив значительно за двухсотлетнее существование свой фасад,[1] носит и до сих пор на нем дату своей постройки (1710) и позднейшую

[1] Средняя часть теперешнего здания.



Дворец Меньшикова.

эмблему Шляхетного корпуса — меч и жезл Меркурия. В Шляхетном корпусе, привилегированном в половине XVIII века учебном заведении, дававшем своим воспитанникам не только военное, но и гражданское воспитание и образование, существовал в 40-х годах упомянутого столетия кружок „любителей российской словесности", в котором члены его, кадеты, читали друг другу свои произведения и куда нередко являлся бывший воспитанник корпуса А. П. Сумароков со своими новыми оригинальными и переводными сочинениями. Это общение молодежи, к тому же столь близкое, с выдающимся писателем эпохи, как раз незадолго до того вступившим на путь драматургии, вызвало у членов кружка попытку испробовать свои силы на сценическом поприще. И вот в конце 1749 года кадеты сыграли на корпусной сцене „Хорева" и столь успешно, что в феврале следующего 1750 года им пришлось повторить спектакль уже при дворе, в Зимнем дворце, а в дальнейшем образовать как бы постоянную русскую труппу, которая уже в том же 1750 году переиграла весь репертуар Сумарокова. Интерес тогдашнего общества к драматическим спектаклям был настолько велик, что Ломоносову и Третьяковскому было приказано сочинить для кадетского театра по трагедии, и трагедия первого — „Темира и Селим", написанная спешно, в полтора месяца, была сыграна 1 декабря того же года. Насчет второй — „Дейдамии" — только известно, что она из всех русских драматических сочинений „есть наипродолжительнейшая, ибо в ней находится две тысячи триста тринадцать стихов двоестрочных", — и это, вероятно, и было причиной, почему она не увидела света рампы.

В следующем году деятельность „труппы" начинает постепенно сходить на-нет; у членов кружка, вышедших в офицеры, не находится, видимо, равноценных им продолжателей, но дело уже сделано — традиция создана, и молодой ярославец, Федор Волков, приехавший в Петербург по торговым делам, побыв на кадетском спектакле, твердит всем, что он не знает, где он был — на небе или на земле, и увозит в свой родной город целый мир незабываемых образов и горячее желание отдать все свои силы созданию в нем такого же театра. Известно, какое большое дело, рискуя всем своим личным

достатком, создал в результате этого своего увлечения в своем родном Ярославле Волков. Судьба однако скоро возвращает его снова к первоисточнику его одушевления — ярославцев [1] приказывают привезти в Петербург и поместить „для обучения“ в тот же Шляхетный корпус, где, под руководством корпусных офицеров, бывших актеров-пионеров, а также и Сумарокова, они с успехом и занимаются в течение нескольких лет. Начатое таким образом движение уже в 1756 году закрепляется указом Елизаветы Петровны об учреждении „Русского для представления трагедий и комедий театра“ под управлением „бригадира“ Александра Сумарокова, — указом, начиная с которого уже можно излагать более или менее систематически историю театра в России, как государственного учреждения. „Ярославцы“ сразу становятся украшением образованной Сумароковым труппы, а самые спектакли переносятся в так наз. Головкинский дом, недалеко от Шляхетного корпуса, бывший, по свидетельству академика Штелина, на месте теперешней Академии Художеств. Таким образом, эти места на Васильевском острове действительно могут быть названы колыбелью русской сцены.

Чтобы остановить еще на некоторое время внимание читателей на старом здании, где помещался когда-то Сухопутный шляхетный корпус, давший нам, кроме Сумарокова, еще и Хераскова и Озерова, а в следующем веке — первого русского поэта-гражданина Рылеева, вспомним, что в те же почти годы, с января 1759 года, та же корпусная молодежь, положившая начало, как мы видели, русскому театру, начала выпускать журнал „Праздное время, в пользу употребленное“, печатавшийся в своей же корпусной типографии. Журнал этот просуществовал недолго, но, по мнению историков литературы, — это наше первое частное еженедельное периодическое издание, при том чисто литературное.

Возвращаясь к истории русского театра, мы должны обратить наши взоры опять на левый берег Невы, где огромной глыбой на фоне остальных построек высится бывший Зимний дворец с его Эрмитажным театром.

---

[1] Федора и Григория Волковых, Ивана Дмитревского и Алексея Попова.

В XVIII веке в Эрмитажном театре дворца игрались лучшие русские трагедии и комедии, и здесь Екатерина и двор ее не раз рукоплескали Сумарокову, Фонвизину и Княжнину, как авторам, и Дмитревскому, Яковлеву, Шумскому и Троепольской, как актерам. И. И. Дмитриев в своих записках рассказывает, что места в ложах и партере назначены были в Эрмитажном театре по чинам, до офицерского чина, в райке же дозволялось быть зрителям „всякого состояния, исключая носящих ливрею". [1] Зрители за места, конечно, ничего не платили. До 80-х гг. XVIII века театр помещался в том углу дворца, который выходит к Адмиралтейской площади, в среднем этаже, а затем архитектором Гваренги выстроен театральный зал, который существует и поныне в дворцовом корпусе, за Зимней канавкой, носящем название „Старого Эрмитажа". С воцарением Павла доступ публики в стены придворного театра был прекращен.

Державин и Фонвизин.

Вторую половину XVIII века восстановляют в нашей памяти в Ленинграде реликвии, связанные с именами Державина и Фонвизина.

Фигура молодого Державина украшает памятник Екатерине, работы Микешина, перед Александринским театром (памятник воздвигнут в 1873 году). Как бы пьедесталом статуи служит группа сподвижников Екатерины, среди которых находится и Державин, сделанный читающим оду в вдохновенной позе — мотив, ярко характеризующий социальную позицию „певца Фелицы". Рядом с Державиным сидит Е. Р. Дашкова, символизируя тесную связь официальной поэзии XVIII века с наукой.

На Фонтанке, между Обуховским и Измайловским мостами (№ 118), до сих пор еще цел дом, принадлежавший Державину. Измененный позднейшими пристройками и надстройками, он вполне сохраняет однако тип барского, полузагородного особняка, [2] с двором перед парадным крыльцом и обширным садом позади дома, разведенным, по преданию, женою поэта. В конце XVIII века дом этот не имел еще третьего этажа; кабинет

[1] Дмитриев И. И., „Записки", стр. 35 — 36.
[2] Фонтанка в XVIII веке считалась уже за городом.

Державина был во втором этаже и имел большое венецианское окно во двор, против ворот. Державин купил этот дом в 1791 году и, хотя имел большие доходы (60 — 70 тысяч рублей в год), заложил его в Опекунский совет, так как, подобно всем тогдашним вельможам, жил не по средствам. Здесь, в специально отделанном обширном зале, с 1811 года происходили, обставлявшиеся очень торжественно, заседания знаменитой „Беседы любителей русского слова", объединявшей, под руководством Державина и Шишкова, всех противников тех новшеств, которые вносил в русский язык и литературу Карамзин. По литературному преданию, в одном из заседаний „Беседы" Крылов прочел свою „Демьянову уху", протестуя ею против невозможно длинных выступлений ее членов, бывших очень высокого мнения о себе и не боявшихся наскучить своими произведениями. Здесь же Крылову случалось выступать и с другими баснями („Огородник и философ", „Осел и соловей"). Сюда приезжали, кроме Крылова, гр. Хвостов, кн. Шаховский, Аксаков и другие любители и знатоки русской словесности консервативного лагеря, тогдашние литературные староверы. Дом украшен мраморной доской с надписью:

Здесь жил
ГАВРИИЛ РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН.
Род. 1743 г., сконч. 1816 г.[1]

Державин скончался, как известно, в Званке, своем новгородском поместьи, и похоронен в Хутынском монастыре близ Новгорода, в Ленинграде же, на Лазаревском кладбище б. Александро-Невской лавры находится могила его первой жены, дочери камердинера Петра III португальца Бастидона, замечательная высокохудожественным монументом, ныне заключенным в футляр.

На том же кладбище, в самой середине его и недалеко от могилы Державиной, мы найдем и скромное надгробие над прахом Фонвизина. Вросший в землю, самой простой формы, из серого гранита, с вырезанным на камне крестом в изголовьи и черепом с двумя костями в ногах, — саркофаг этот менее всего говорит о заслугах

[1] В 1846 году от наследников Державина дом перешел в собственность римско-католической духовной коллегии.

нашего знаменитого сатирика и драматурга. Еще более безотрадное впечатление производит банальнейшая, в духе тогдашней обывательщины, надпись:

Под сим камнем погребено тело статского советника
ДЕНИСА ИВАНОВИЧА ФОНВИЗИНА.
Родился в 1745 году, апреля 3 дня.
Преставился в 1792 году, декабря 1 дня.
Жития ему было 48 лет, 7 мес. и 28 дней.

Последним выездом Фонвизина в общество, накануне смерти, был как раз визит к Державину в вышеописанный дом. Рассказ об этом посещении, продолжавшемся целый вечер, с 6 до 11 часов, сохранил в своих записках И. И. Дмитриев. Несмотря на тяжелое паралличное состояние — Фонвизин не владел рукой и ногой,—введенный в кабинет Державина двумя офицерами, он, тем не менее, все еще сохранял присущую ему, как выражается Дмитриев, „игривость ума", шутил, острил, выспрашивал у Дмитриева его мнения о некоторых литературных произведениях и, наконец, заявил хозяину, что он привез ему свою, только-что написанную комедию „Гофмейстер", которая и была прочтена немедленно же вслух одним из сопровождавших его к Державину офицеров. Во время чтения больной мимикой и жестами здоровой руки все время подкреплял силу тех выражений, которые ему самому нравились. „Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а на утро он уже был в гробе" — заканчивает Дмитриев эту страницу своих воспоминаний.

Радищев.

Закончим эту главу еще памяткой о драме Радищева, первого нашего оппозиционного публициста-республиканца, громко заявившего в своей книге „Путешествие из Петербурга в Москву" [1] протест против крепостного права, а за ним и против самого самодержавия. Напоминает нам о ней в Ленинграде Петропавловская крепость, бывшая местом заключения и многих других писателей позднейших эпох. Радищев, арестованный 30 июня 1790 года, просидел в крепости два месяца и был сослан, по указу Сената от 4 сентября

[1] Напечатанной в его же типографии, на Грязной тогда, потом Николаевской, а ныне улице Марата.

того же года, в Сибирь, в Илимский острог Иркутской губ., на „десятилетнее безвыходное пребывание“ (вместо смертной казни, к которой он был присужден судом). Быстрота судопроизводства по радищевскому делу свидетельствует о той важности, которую Екатерина придавала „вредным умствованиям“ писателя и его „оскорбительным и неистовым выражениям противу сана и власти царской“. Где сидел Радищев — трудно теперь установить; вероятнее всего, в знаменитом Алексеевском равелине, уничтоженном, как известно, после долголетней службы самодержавному правительству в первые годы царствования Александра III, — для того, впрочем, чтобы уступить свое место Трубецкому бастиону. Возвращенный из ссылки Павлом I, Радищев скончался 12 сентября 1802 года, „от чахотки“, по сведениям метрической книги об умерших (покончил с собой, по слухам, боясь новой кары за свободно высказываемые им мнения), и похоронен на Волковом кладбище.

Память Радищева отмечена во время переименования многих улиц Ленинграда в недавние годы. Его именем названы Преображенская площадь, на которой стоит собор Спасо-Преображения, б. всей гвардии, и прилегающий к ней Церковный переулок.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА.

Первое столетие города застает его уже пышно раскинувшимся по обоим берегам величественной реки, привлекающим к себе восхищенные взоры иностранцев и будящим вдохновение поэтов. Вспомним знаменитые строки Пушкина:

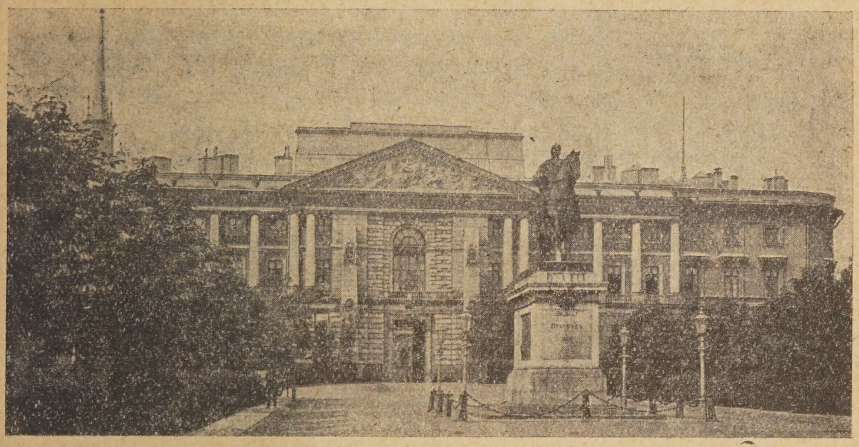
Прошло сто лет — и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...

Или у Батюшкова: „Посмотрите на Васильевский Остров, образующий треугольник, украшенный биржей, ростральными колоннами и гранитной набережной с прекрасными спусками к реке. Как величественна, как красива эта часть города".

Царствование Александра I оставило нам два топографических указания, связанных с биографией Пушкина еще до ссылки его на юг и имеющих прямое отношение именно к этой ссылке. Мы говорим об оде „Вольность" 1819 года, навеянной будто бы видом пустого тогда, нежилого, из-за тяжелых для двора воспоминаний, Михайловского замка. Вигель рассказывает, что Пушкин бывал часто в квартире будущего декабриста Н. И. Тургенева, жившего на Фонтанке против замка, и там почти экспромптом написал это стихотворение, сыгравшее в дальнейшем такую роковую для автора роль. Этот Михайловский замок, где погиб один из величайших тиранов новейшей истории, был передан позднее военному ведомству для Инженерного училища, в котором, как известно, учились Достоевский и Григорович.

Другим местом, где тоже однажды и в очень яркой степени проявилась революционная настроенность Пушкина,

был Большой театр, построенный в 1803 году Тома де Томоном (строителем Биржи), в котором во времена Пушкина процветали все виды театрального искусства — и опера, и драма, и балет, особенно последние два: имена Семеновой и Яковлева всегда будут неотделимы в памяти друзей русского театра от имен Дидло и Истоминой, воспетых Пушкиным. Это тот театр, куда ездил Евгений Онегин, где Пушкин был завсегдатаем. Здесь он дурачился, садясь на пол в ложе Каратыгиных или снимая публично парик, который одно время носил на



Инженерный замок.

обритой после болезни голове, и обмахиваясь им, как веером; здесь же он позволил себе выходку, за которую чуть не угодил в Сибирь. Сидя в креслах, окруженный цветом т. наз. „общества“, он вздумал вдруг показывать соседям портрет Лувеля, убийцы герцога Беррийского, с надписью: „Урок царям“, что переполнило чашу терпения тогдашних охранников, которые и потребовали, наконец, возмездия.

Только заступничество сановных и влиятельных друзей и покровителей Пушкина сделало то, что он оказался на юге у Инзова, а не стал предтечей декабристов в сибирских рудниках.

Историческое здание театра, перевидавшее за целое столетие в своих стенах весь цвет русских и иностранных знаменитостей, в котором в 1831 году было впервые поставлено „Горе от ума", благороднейшее по стилю, с величавыми портиками, по чьему-то капризу, в 90-х годах было уничтожено, и на основе четырех главных стен его воздвигнута, по справедливым словам Г. К. Лукомского, [1] чудовищная постройка, состоящая из полдюжины „фасадов" — здание нынешней консерватории. Остается, значит, только площадь — Мариинская, по имени напротив стоящего Мариинского театра, освященная памятью великого поэта и великих артистов, его восхищавших.

Декабристы. Если мы теперь от названной площади направимся по ул. Герцена (б. Морской) к центру города, мы придем на другую историческую площадь, Сенатскую, на которой в 1825 году недовольство самодержавием нового, нарождающегося класса — буржуазии — впервые вышло на улицу, произошел „бунт декабристов", по терминологии, сохранившейся до самого конца царизма. Эта площадь тоже не может быть обойдена молчанием в истории литературы, так как среди декабристов, представителей среднего поместного дворянства, было три присяжных литератора — Рылеев, А. Бестужев и Кюхельбекер и начинающий поэт кн. Одоевский. Все они были 14 декабря на площади, но судьба их была разная.

Рылеев, душа заговора, почувствовав, что дело проиграно, ушел с площади в полном отчаянии, был арестован в тот же день и через полгода казнен, отнесенный в первый разряд преступников вместе с Пестелем, Каховским, Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Отличаясь активным, деятельным характером, он давно уже изливал свое оппозиционное настроение в „Думах", которыми скоро обратил на себя внимание как на поэта, и был вдохновителем и организатором всего дела. У него в квартире, у Синего моста, в первом этаже дома Русско-американской компании (теперь на этом месте ломбард—Мойка, 72), где он служил правителем дел,

[1] Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам. Изд. „Свободное Искусство". Петроград, стр. 31.

собирались декабристы и за скромной трапезой вели свои революционные речи. В этой же квартире было и последнее, особо многолюдное собрание заговорщиков, 13 декабря, на котором многие готовились больше к смерти, чем к победе.

„Предвижу, что не будет успеха, но потрясение необходимо. Тактика революции в одном слове „дерзай", и ежели что будет несчастливо, мы своей неудачей научим других. Принесем себя в жертву для будущей свободы отечества", говорил Рылеев. [1] Когда все кончилось, и началась расправа, искренний и увлекающийся и, к тому же, романтически настроенный, Рылеев на допросах, уверовав в благородство Николая I, чистосердечно раскаивался в содеянном и был в своих показаниях более многоречив и откровенен, чем следовало бы. Это не спасло его, однако, от мести царя-следователя, и ему пришлось кончить свою жизнь у валов кронверка Петропавловской крепости, где происходила казнь декабристов. Место это, на берегу протока, отделяющего крепость от Петроградской стороны, между мостом и Артиллерийским музеем, занято теперь парком, разведенным в половине прошлого века, а тогда представляло собою пустырь — „глассис", который на 30 саж. от крепостных сооружений по расходящимся линиям нельзя было, по закону, застраивать. Здесь сначала был совершен обряд лишения гражданских прав над всеми декабристами — ломали над их головами шпаги и срывали с них мундиры и ордена, которые сожжены были здесь же на костре, а затем на виселице, выстроенной тут же, были повешены пять „зачинщиков", имена которых приведены нами выше. Веревка виселицы оборвалась, и трое из казнимых — Рылеев, Каховский и Муравьев — упали на помост и должны были быть подняты на виселицу во второй раз.

„Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного", гласит рапорт главного распорядителя казни, петербургского генерал-губернатора Кутузова. Тела казненных были свезены „на свалку", на

[1] Воспоминания бр. Бестужевых. П. 1917 г., стр. 34.

один из пустынных островов Невской дельты, и только находка в 1926 году на о. Голодае (за Смоленским кладбищем), куда в начале прошлого века возили всякую падаль и где было кладбище для самоубийц, обрывков военной одежды и нескольких форменных пуговиц вызвало предположение, что найдено место последнего упокоения казненных декабристов. В том же году Василеостровский райисполком водрузил на Голодае, на месте находки, на низком пустынном берегу, на взморье, у самой воды временный памятник из розового порфира с надписью:

1826 — 1926 гг.

Заложен в память столетия казни декабристов

П. И. ПЕСТЕЛЯ, К. Ф. РЫЛЕЕВА, С. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА, М. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА и П. Г. КАХОВСКОГО.

В.-О. райисполком.

Имена казненных декабристов, Рылеева и Пестеля, увековечены в названиях двух улиц Ленинграда — Спасская улица переименована в улицу Рылеева, а Пантелеймоновская — в улицу Пестеля.

Второй декабрист-литератор, игравший заметную роль на Сенатской площади 14 декабря, — это Бестужев-Марлинский. Н. И. Греч в своих записках говорит, что он был главным действующим лицом на площади. Точно известно, что он вместе с братом и кн. Щепиным-Ростовским привел московцев на площадь, был все время в середине каре вокруг памятника, очень суетился. После ликвидации мятежа он скрылся, но на другой день сам явился на гауптвахту Зимнего дворца и отдался во власть правосудия. После короткого пребывания в крепости в Финляндии, он был сразу сослан на поселение в Якутск, минуя каторгу, а вскоре, уже в 1829 году, переведен рядовым на Кавказ, где восемь лет спустя, в 1837 году, погиб в одной из схваток с горцами. На Кавказе были написаны Бестужевым все крупнейшие и лучшие его произведения, столь характерные для романтической поры нашей литературы, произведения, увлекавшие русскую читающую публику почти полвека, — это „Наезды", „Лейтенант Белозор", „Страшное гаданье", „Амалат-Бек" и „Фрегат Надежда". До ссылки он был изве-

стен, главным образом, только как талантливый критик, театральный рецензент и издатель самого популярного тогда альманаха „Полярная Звезда“. Занося в свой „Дневник“ известие о смерти Бестужева, Никитенко пишет: „Новая потеря для нашей литературы: Александр Бестужев убит. Да и к чему в России литература!“.

Такую же роль возбужденного, даже больше—суетящегося человека, можеть-быть, несколько смешного своей долговязой фигурой и близорукостью, играл на площади В. Кюхельбекер, товарищ Пушкина по Лицею, тоже небезызвестный литератор того времени. Он издавал альманах „Мнемозина“ и писал в тогдашних журналах недурные стихи. Его вина усугублялась тем, что он пытался стрелять в великого князя Михаила Павловича, которого спасла только осечка пистолета. С площади Кюхельбекер бежал, долго скрывался, был арестован в Варшаве, судим и сослан в Сибирь, где умер в 1846 году.

Наконец, там же, в каре у памятника, был и „лично действовал в мятеже с пистолетом в руках“ и четвертый поэт — кн. А. И. Одоевский, молоденький конногвардеец, тоже увлекшийся до самозабвения новыми идеями, память которого после его кончины так тепло почтил Лермонтов в известной элегии:

Я знал его. Мы странствовали с ним...

Это один из самых скромных поэтов пушкинской плеяды, но робкая, несовершенная поэзия его освящена подвигом, в котором он участвовал, и страданиями, за ним последовавшими. Пробыв 11 лет в Сибири, он, как и Бестужев, был переведен рядовым на Кавказ и здесь

Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила...

Он умер в августе 1839 года от „горячки“ в отряде ген. Раевского во время военной экспедиции на восточный берег Черного моря.

Грибоедов. По делу о 14 декабря, как известно, был арестован и Грибоедов, привезенный для допроса в Петербург фельдъегерем с Кавказа, из крепости Грозной. С этим эпизодом связано здание Главного Штаба, между Невским и Б. Морской, разверну-

тое полукольцом, по смелой идее строителя, знаменитого архитектора Росси для охвата всей б. Дворцовой площади (ныне площадь Урицкого). В этом здании в 1826 году была главная гауптвахта, и сюда и был доставлен Грибоедов. Как известно, генерал Ермолов, тогдашний главноначальствующий на Кавказе, дал Грибоедову час времени, чтоб уничтожить все, что могло бы его компрометировать, а потом послал арестовать его. На гауптвахте, к которой была присоединена еще квартира ген. Толя, Грибоедов нашел большое общество: привлеченных по делу декабристов было так много, что в Петропавловской крепости нехватило камер. Грибоедов знал, что за ним никакой вины нет, кроме близкого знакомства с заговорщиками, и потому чувствовал себя в заточении довольно сносно, тем более, что ему доставляли с воли книги и журналы. Своего тюремщика, некоего офицера Жуковского, заключенные расположили настолько в свою пользу, что он, взяв с них слово, что они никуда не уйдут, предоставил им делать, что они хотят, и даже сам водил Грибоедова и декабриста Завалишина через ход со двора в кондитерскую француза Лареда, которая была рядом со зданием Главного Штаба на углу Невского, [1] — там, в задней комнате, Грибоедов, прекрасный пианист, отводил себе душу игрой на фортепиано. Упомянутый Завалишин в своих воспоминаниях пишет: „Если б каждый не был занят серьезными мыслями, то можно даже бы сказать, что было весело". Пробыв под следствием 4 месяца, Грибоедов был отпущен „чистым, как стекло", и даже „за беспокойство" награжден чином. Именем Грибоедова назван недавно б. Екатерининский канал, прорезающий центральную часть города.

Карамзин. К этому же 1826 году относится кончина Карамзина. Заболев зимой 1825 — 26 года, он должен был ехать на юг в Италию и Францию на военном фрегате, предоставленном ему для путешествия Николаем I, но умер в Таврическом дворце (ныне Дворец Урицкого) 22 мая 1826 года. Раньше он жил на б. Морской, на углу Почтамтского переулка, там, где теперь д.№ 55

[1] В доме Вольно-экономического общества, на месте нынешнего углового здания, пристроенного к Главному Штабу позже.

(б. Коровиной), а могила его, в одной ограде с женой и тремя дочерьми, находится в Александро-Невской лавре, на Тихвинском кладбище, недалеко от входа, направо, в сторону лаврской стены и главных ворот. Простой мраморный саркофаг с медным венком и текстом из „Заповедей блаженства", скрывает прах создателя „Истории Государства Российского", смелого реформатора русского языка и вождя наших сентименталистов в конце позапрошлого века. Рядом с ним покоятся и друзья его — Жуковский и Блудов, сначала „арзамасец" („Кассандра"), а потом видный государственный деятель двух царствований.

Жуковский. Переходя к Жуковскому, отметим, что в упомянутом уже нами б. Зимнем дворце, где находится „Эрмитажный" театр, в течение многих лет была и квартира Жуковского, когда он был воспитателем будущего Александра II. Здесь по субботам собирались все лучшие писатели эпохи — Пушкин, Гоголь, Крылов, кн. Вяземский, кн. Одоевский (В. Ф.), гр. Сологуб, Плетнев, Кольцов и др., сливаясь с представителями только так наз. „общества" и заражая их литературными интересами. В кабинете Жуковского обсуждались все литературные злобы дня, читались новые произведения, затевались разные литературные и общеполезные предприятия, между прочим, впервые был составлен проект педагогического журнала. Сюда в 1839 году 17-летний Некрасов принес Жуковскому свои „Мечты и звуки", и осторожный поэт, сердечно похвалив юношу, посоветовал ему не выставлять на книге полного своего имени, а ограничиться инициалами. Из этой квартиры в 1841 году Жуковский выехал за границу, чтобы уже не возвращаться в Россию. В 1852 году он скончался в Бадене. Могила его, как уже было выше указано, — на Тихвинском кладбище, рядом с Карамзиным. Она украшена саркофагом из черного камня в виде гроба с головками херувимов по четырем углам. Памятник этот, „в память вечную знаменитого певца во стане русских воинов", воздвигнут почитателями поэта и является надгробием и для праха его жены, Елизаветы Алексеевны, всего на четыре года пережившей мужа, хотя она и была моложе его на целых 40 лет.

Недалеко от Зимнего дворца, в Саду трудящихся, стоит, поставленный петербургской городской думой в 1887 году

после торжественного празднования, за четыре года до того, столетия со дня рождения Жуковского, его бронзовый бюст. Голова бюста несколько наклонена вперед — как будто Жуковский к чему-то прислушивается. Бюст помещен на высоком пьедестале из черного камня. Вокруг зеленая площадка, обнесенная низкой чугунной решеткой. Кроме имени поэта и дат рождения, смерти и постановки памятника, на пьедестале вырезаны знаменитые слова умирающего Комоэнса: „Поэзия есть бог в святых мечтах земли“ и четверостишие, начинающее „Ундину“:

Бывали дни восторженных видений,
Моя душа поэзией цвела;
Ко мне летал с вестями чудный гений,
Природа вся мне песнию была.

Там же — „К портрету Жуковского“, Пушкина:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Кроме памятника, городская дума присвоила имя Жуковского б. М. Итальянской улице, идущей от Литейного просп. к Греческой церкви на Лиговской улице.

Крылов.

Обращаясь теперь к памяти другого корифея первой половины XIX века, Крылова, отметим прежде всего здание Публичной библиотеки на углу б. Невского просп. и б. Садовой улицы. Это старинное здание, с позднейшими пристройками со стороны площади, все целиком занято книгохранилищем, и поэтому квартиры служащих Публичной библиотеки издавна помещаются в одном из соседних домов по Садовой, № 20. В одной из этих квартир, из трех комнат, в среднем этаже здания, с окнами на улицу, Крылов, с 1812 г. служащий Библиотеки, прожил 25 лет и здесь написал большинство своих басен. На одной лестнице с ним, этажом выше, жил Н. И. Гнедич, переводчик „Илиады“, тоже библиотекарь Публичной библиотеки. Огромный талант, прославленный автор, Крылов, как человек, имел много слабостей, был ленив, неопрятен

и обжорлив. Образ его жизни вполне отражал эти его слабые стороны. Квартира баснописца никогда не убиралась, к тому же он прикармливал голубей из Гостиного двора, и они свободно разгуливали у него в комнатах по столам и стульям. Понятно, почему вид его жилища приводил в смущение посетителей, которые часто затруднялись, на что сесть. Столь же неряшлива была и внешность Крылова, когда ему не приходилось выступать в официальной обстановке. Недаром маленькая Оленина, „фавориточка", на вопрос баснописца, какой бы костюм ему придумать себе для маскарада во дворце, простодушно посоветовала ему только помыться и побриться и одеться почище. „Тогда вас, дедушка, никто и не узнает", объяснила девочка. Вот какое описание кабинета Крылова оставил нам Никитенко: „Комнаты Крылова похожи больше на берлогу медведя, чем на жилище порядочного человека. Все: полы, стены, лестница, к нему ведущая, кухня, одновременно служащая и прихожей, мебель — все в высшей степени неопрятно. Его самого я застал на прорванном диване, с поджатыми ногами, в грязном халате в облаках сигарного дыма" (в 1835 году).

Так же ленив был Крылов и по службе. Посетителей в библиотеке в те времена еще было мало, и Крылов целый день лежал на диване и читал романы. Туда же к нему приходили и по литературным делам. Можно думать, что он о себе писал в басне „Пруд и река":

За ветрами со всех сторон,
Не движась, я смотрю на суету мирскую
И философствую сквозь сон.

Изредка покидая свое „логовище", баснописец любил гулять по Гостиному двору — благо недалеко, — а иногда шествовал, обращая на себя всеобщее внимание, так как редко кто не знал его, к Полицейскому мосту к графине Строгановой, где его кормили тонкими обедами. За тем же езжал он часто и в английский клуб, где после обеда играл в карты. Так складывалась жизнь неприхотливого баснописца в годы славы. А в это время басни его читались и перечитывались во всех углах грамотной России, восхищая современников не только своей художественностью, но и меткостью оценок многих злоб дня. И эти же

басни разучивали наизусть тысячи русских детей, усвоивая через них русскую народную речь и обогащая свой язык яркими, образными выражениями, из которых многие вошли быстро в поговорки.

Упомянем здесь попутно и о самой Публичной библиотеке, строительству которой как-никак, хотя и вяло, но содействовал своей служебной деятельностью наш знаменитый баснописец. Являясь третьим в мире по богатству книгохранилищем,[1] Публичная библиотека имеет ныне в своих витринах и шкапах огромнейшее количество рукописей русских писателей, духовных и светских, начиная с Остромирова Евангелия XI века и кончая письмами Чехова и Горького, и уже сто лет является местом историко-литературных изысканий для ряда поколений русских словесников. Кроме многочисленных рукописей русских и иностранных писателей, здесь хранится, между прочим, грифельная доска, на которой Державин начал писать свое последнее, предсмертное, стихотворение, а также единственное в своем роде по формату издание басен Крылова, выпущенное для любителей всего в нескольких экземплярах в 1855 году Экспедицией заготовления государственных бумаг в 256-ю долю листа и набранную микроскопическим шрифтом, называемым диамантовым. Читать эту книжку можно, конечно, только в увеличительное стекло, и тогда убеждаешься, что она набрана вполне четко и правильно. Всех номеров в каталоге рукописного отдела насчитывается в Публичной библиотеке около 200 000.

Прослужив в библиотеке до 1841 года, Крылов вышел в отставку и переселился из казенной квартиры на Васильевский Остров в дом купца Блинова, № 8 по Первой линии, где и скончался 9 ноября 1844 года от желудочного заболевания. Здесь он жил в семье крестницы, проводя дни или в полном покое, или в играх и занятиях грамотой и музыкой с ее маленькими детьми.

Погребение Крылова в Александро-Невской лавре было большим событием в ту бедную общественной жизнью эпоху. Приводим в сокращении описание этих похорон

[1] Первое— Парижская национальная библиотека, второе—Библиотека Британского музея в Лондоне.

из единственной тогдашней газеты в Петербурге[1] „Северной Пчелы“ (№ 260, вторник, 14 ноября 1844 года), характерное и по стилю и по языку: „13 ноября происходил погребальный обряд знаменитого народного писателя Ивана Андреевича Крылова. К выносу тела, в десять часов утра, собрались в Адмиралтейскую церковь св. Исаакия Далматского государственные сановники, ученые, литераторы, дамы, сколько могли вместиться в церкви. Гроб вынесли из церкви и поставили на дроги гг. военные генералы и первоклассные государственные чиновники. Будущее поколение, знающее наизусть поучительные рассказы дедушки Крылова, студенты здешнего университета, окружали гроб, поддерживали балдахин и несли ордена. При сопровождении гроба в Александро-Невскую лавру множество народа следовало за печальной процессией и встречало ее на улицах“. Могила Крылова находится на главной дорожке Тихвинского кладбища Александро-Невской лавры, недалеко от входа, сразу бросаясь в глаза темным рельефом монумента, очень простого по замыслу и строгого по стилю. За ним сейчас же и могила Гнедича, „обогатившего русскую словесность переводом Омира“ (надпись на памятнике), а за ней поэта Боратынского.

Насколько популярно было имя Крылова, свидетельствует и тот факт, что уже через десять лет Летний сад украсился памятником ему, являющимся и доселе одним из лучших произведений скульптуры XIX века. В объявлении о подписке на памятник[2] известный тогдашний поэт и критик кн. П. А. Вяземский писал: „Памятник Крылову воздвигнут будет в Петербурге. И где же ему быть, как не здесь. Не здесь родился поэт, но здесь родилась и созрела слава его. Он был собственностью столицы, которая делилась им с Россией. Не был ли он и при жизни своей живым памятником Петербурга. С ним живали и водили хлеб-соль деды нашего поколения, он же забавлял и поучал детей наших“.

Сделан памятник известным скульптором николаевской эпохи бар. Клодтом, автором знаменитых коней на Анич-

[1] Если не считать официальных „Петербургских Ведомостей“.

[2] Памятник Крылову — первый в России памятник, сооруженный по общественной подписке.

ковском мосту, и останавливает на себе внимание главным образом фигурой Крылова, сидящего на камне с тетрадью и пером в руках в задумчивой, очень жизненной и правдивой позе и с высоты пьедестала добродушно взирающего на резвящихся вокруг памятника детей. Пьедестал кубической формы и украшен изображениями сцен из наиболее популярных басен Крылова, где действующими лицами являются исключительно звери. Два медальона с людскими сценами из басен дополняют отделку пьедестала. Художественное впечатление от этого памятника мы находим в известном стихотворении Майкова „Крылов", посвященном памяти баснописца:

С улыбкой доброю, с приветливостью взгляда,
Он, точно с старческой неспешностью речей,
Рассказывает нам с своих высоких кресел
Про нравы странные и глупости зверей,
И все смеются вкруг, и сам он тихо весел.

Есть и шутливое стихотворение, посвященное памятнику и принадлежащее перу второстепенного поэта 60-х годов Шумахеру:

Чугунный дедушка с гранитной высоты
Глядит, как резвятся ребята,
И думает: „Ах, милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты".

Напротив могил Крылова и Гнедича мы находим могилы и двух друзей и единомышленников их — О л е н и н а и П л е т н е в а. У О л е н и н а, директора Публичной библиотеки и Вице-президента Академии художеств, в его доме на Фонтанке, близ Горсткиной улицы (№ 101, прямо против Введенского канала), был знаменитый литературный салон, где собирался цвет тогдашних писателей разных толков и где начинающий Пушкин в общении с корифеями мог взращивать свой расцветающий талант, а дочери хозяина, несколько лет, спустя писать:

Я Вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я Вас любил так искренно, так нежно,
Как дай Вам бог любимой быть другим.

Крылов у Олениных был уже совершенно своим человеком и частенько гащивал у них в их гостеприимном

„Приютине", усадьбе в 12 верстах от Петербурга, за Охтой; там долго сохранялся домик, называвшийся „Крыловской кельей". Не будучи сам ни поэтом, ни прозаиком, Оленин отыскивал, ободрял, поощрял молодые

Памятник Крылову в Летнем саду.

таланты, пролагая им путь в жизни и службе. По его совету, Озеров написал свои трагедии, шедшие с таким успехом в 10—20-х годах прошлого столетия. На могиле Оленина — серый гранитный памятник с медным крестом,

барельефом Оленина и мраморной доской... о захоронении в ней через 50 лет, в 1899 году, „праха жены действительного тайного советника Стояновской, урожд. Олениной".

В ближайшем соседстве похоронен и профессор и академик Плетнев, друг Пушкина, Гоголя, Жуковского и Крылова, известный критик 20 — 40-х годов и первый биограф знаменитого баснописца. Он пережил всех своих друзей и после 20-летнего ректорства в Петербургском университете скончался в 1862 году за границей. Скромный, но архитектурно выдержанный памятник его дополняет собой стиль того уголка Тихвинского кладбища, который справедливо может быть назван пантеоном русской литературы первой половины XIX века.

Пушкин. Теперь мы подходим к реликвиям, связанным с именем величайшего нашего поэта Пушкина, жизнь которого в значительной своей части, как известно, была связана с Петербургом. Он служил здесь по окончании Лицея, с 1817 по 1820 год, наезжал после возвращения из ссылки и, наконец, окончательно поселился в столице в 1831 году, после женитьбы. После Лицея он жил на Фонтанке, недалеко от Калинкина моста, в одном доме с семьей своего лицейского товарища бар. М. Корфа, сохранившего нам свидетельство о крайней безалаберности жизни Пушкиных и их малых достатках. О посещении молодым Пушкиным Большого театра, в той же Коломне, мы уже говорили. Эта часть города была вообще очень хорошо знакома Пушкину и своими бытовыми особенностями привлекала к себе его — вспомним „Домик в Коломне". В Петербурге же, конечно, 19 октября каждого года, в годовщину основания Лицея, собирались лицеисты 1-го выпуска, и на одном из этих собраний, у „лицейского старосты" М. Л. Яковлева, на „лицейском подворьи" в доме Библейского общества, № 2, по Екатерининскому каналу, на углу Инженерной, где была потом Государственная типография, а теперь недостроенное выставочное здание Академии художеств, 19 октября 1836 года (в день 25-летия Лицея) Пушкин читал свое знаменитое стихотворение:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...

полное предчувствиями близкой смерти. По окончательном возвращении Пушкина в Петербург, он переменил много квартир, — мы не будем перечислять их, а подойдем уже сразу к последней его квартире, где ему суждено было окончить свои земные дни. Это — в д. № 12 по набережной Мойки, б. кн. Волконской. Пушкины поселились здесь осенью 1836 года, и отсюда, в роковой морозный день 27 января 1837 года выехал Пушкин, чтобы через три часа быть привезенным домой в карете, из которой его пришлось уже бережно выносить, как это изображено на акварели художника Бореля, находящейся в Пушкинском доме. В прихожей квартиры этой и около дома три дня после того толпился народ, ловя всякий звук, доносившийся из комнаты умиравшего поэта. „Его квартира возле моей, писал Я. М. Неверов Т. Н. Грановскому в самый день 29 января 1837 года,—и я по нескольку раз в день выходил на улицу—останавливался перед окном его спальни, а мысль, что в трех шагах от меня угасает жизнь сильная, великая, наполняла душу высокими, но грустными помыслами, не один раз доводилось утирать с глаз слезы“. [1]

К самой постели умирающего были допущены немногие, но эти немногие сохранили нам подробные сведения о том, что там происходило. Пушкин страдал ужасно: пуля попала в живот, а состояние тогдашней науки было не таково, чтобы предотвратить или побороть начавшееся заражение крови, хотя к постели больного были призваны лучшие тогдашние врачи во главе с лейб-медиком Арендтом, видевшим смерть в 34 битвах, по словам А. И. Тургенева. „Когда умер поэт, — пишет И. И. Панаев, [2] — весь Петербург всполошился. В городе сделалось необыкновенное движение. На Мойке, у Певческого моста, не было ни прохода, ни проезда. Толпы народа и экипажи с утра до ночи осаждали дом; извозчиков нанимали, просто говоря: „к Пушкину“, и извозчики везли прямо туда. Все классы петербургского народонаселения, даже люди безграмотные, считали как бы своим долгом поклониться телу поэта... Университетская и литературная молодежь решила нести гроб на руках до церкви;

[1] Московский Пушкинист. I. 1837 — 1927. Изд. „Никитинские субботники“. М., 1927 г., стр. 44.

[2] „Литературные воспоминания“. СПБ. 1876 г., стр. 125—126.

стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть." Можно сказать, что здесь происходила настоящая безмолвная манифестация народного горя, что здесь появились первые проблески будущего русского общественного самосознания. И правительство Николая I почувствовало это, и уже готовило запрещение отпевать его в Исаакиевском соборе, опасаясь еще большего „скопления народа", народа, который действительно, по словам современника, хотел нести гроб до самой заставы.

Квартира поэта была барская, хотя и скромная по убранству; она состояла из 11 комнат и занимала почти весь первый этаж лицевого флигеля; окна выходили на улицу и на двор, а вход был из-под ворот. Она много видела за истекшие после горестного события 29 января 1837 года 90 лет. Между прочим, в ней помещалась в 80-х гг. одна из канцелярий охранного отделения, а после революции обнаружилось, что в передней, в которой стоял гроб поэта (так как кабинет, где умер Пушкин, был сейчас же после его кончины, по распоряжению Николая I, опечатан), сделана перегородка, за которой находится ванная и две уборных. Теперь квартира (7 комнат) передана Пушкинскому дому, который с большим трудом посильно восстановил ее прежний вид, обратив ее одновременно в литературный музей, иллюстрирующий эпоху. При выборе вещей для меблировки квартиры устроители музея не столько заботились о художественном подборе их, сколько о том, чтобы они были типичны для тогдашней обстановки людей среднего достатка, к числу которых принадлежали Пушкины. Самая интересная комната в квартире — это, конечно, кабинет Пушкина, восстановленный точно, к сожалению, только в своем объеме. Главнейшие фрагменты кабинета находятся вне квартиры Пушкина: библиотека (ничтожная часть) — в Пушкинском доме, а письменной стол—в Остафьеве, б. имении друга Пушкина, князя П. А. Вяземского, которому этот стол был подарен после смерти поэта его вдовой. Комната обставлена в очень строгом и спокойном стиле. Столик с маской поэта, кресла красного дерева и два шкафчика, на одном из которых бронзовые часы, показывающие 2 часа 45 минут, т. е момент смерти Пушкина, и больше ничего. Место кончины

где стоял диван, на котором угасал великий страдалец, ограждено бронзовыми штангами с соединяющим их шнуром; внутри этой ограды у стены темно-бронзовый бюст, работы Витали, украшенный лавровым венком. На доме прибита в 1887 году, когда праздновалось пятидесятилетие со дня кончины поэта, мраморная доска с надписью:

В этом доме 29 января 1837 года скончался
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН.

Растерянность Бенкендорфа, шефа жандармов, от зрелища столь неожиданного взрыва общественных чувств у населения Петербурга, знавшего и ценившего Пушкина, дошла до того, что он, руководимый, конечно, самим царем, во все вмешивавшимся, не разрешил публичного погребения, и тело поэта, вместо Исаакиевского собора, куда уже были разосланы от имени вдовы приглашения, было перевезено ночью, в присутствии родных и ближайших друзей, и, конечно, жандармов, в скромную соседнюю церковь придворного конюшенного ведомства, а оттуда, после отпевания,[1] опять ночью отправлено с жандармами же в Псковскую губернию в имение поэта для погребения в находящемся в 4 верстах от него Святогорском монастыре. Гроб везли на курьерских, под ворохом соломы, тщательно скрывая от встречных, что везут. Сопровождал прах поэта, по повелению царя, один А. И. Тургенев, друг Жуковского и отца поэта, который когда-то определял ребенка-Пушкина в Лицей. В „Дневнике“ академика Никитенко сохранился рассказ, удивительно дополняющий все вышесказанное. Жена Никитенки возвращалась как раз в эти дни в Петербург и на одной из станций увидела простую телегу, на ней солому, под соломой гроб, обернутый рогожей. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь лошадей и скакать дальше. „Что это такое?“ — спросила она у одного из находившихся при этом крестьян. „А бог его знает что. Вишь, какой-то

[1] Лишить которое торжественности уж никак нельзя было, хотя власть и старалась всячески об этом. Так, в университете было получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались в этот день от своих кафедр, а студенты присутствовали бы на лекциях (Никитенко).

Дом, в котором умер Пушкин (Мойка, 12).

Пушкин убит—и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи, как собаку". [1]

Конюшенную церковь, ныне упраздненную и обращенную в клуб, мы увидим, если пройдем дальше по набережной Мойки и у Конюшенного моста повернем направо. Она построена известным архитектором первой половины прошлого века В. П. Стасовым, в одном стиле с занимающими весь квартал зданиями б. Конюшенного ведомства. Гроб Пушкина стоял сначала в самой церкви, а потом на ночь, чтоб заставить разойтись все шедший и шедший на поклонение праху поэта народ, был перенесен в подвал, откуда и вывезен.

В заключение отметим, что на месте дуэли поэта, которая была на пустыре за Новой деревней и Черной речкой, близ тогдашней комендантской дачи, в конце прошлого века вошедшем в черту так наз. Коломяжского ипподрома, где в течение ряда лет происходили скачки, был скромный памятник — миниатюрный бюст поэта на невысоком пьедестале, но за годы революции он исчез, и теперь, вместо него, будет поставлен камень с надписью, согласно одному из премированных проектов.

Имя Пушкина дорого всем, а потому огромную ценность приобретают все те упоминания о нем, которые можно конкретизировать в пространственных образах. Таковы всем известные два места в „Воспоминаниях" И. С. Тургенева, где он рассказывает о своих встречах с Пушкиным, как раз в январе 1837 года. В первый раз это было в прихожей квартиры П. А. Плетнева, второй— на утреннем концерте в зале д. Энгельгардта. Пушкин, один, стоял у колонны, и Тургенев был счастлив, что рассеяный взгляд поэта скользнул по его высокой проходившей мимо фигуре. Где была квартира Плетнева, тогда еще не ректора Университета, в 1837 году, мы не разыскивали, но дом Энгельгардта можно указать. Это отличной архитектуры д. № 30 по б. Невскому, у самого Казанского моста, где в 30 — 40-х годах был большой, сдававшийся под концерты и маскарады зал, [2] сохранившийся

[1] Никитенко, т. I, 286.

[2] Место действия „Маскарада" Лермонтова; здесь же, вероятно, был тот бал под новый, 1840, год, на котором Тургенев видел Лермонтова и после которого поэт написал „1 января 1840 года".

и доселе. В нем теперь производятся операции Ленинградского Коммунального банка.

Остается упомянуть только еще об одной реликвии, связанной с именем Пушкина. Это могила его вдовы, Н. Н. Ланской, на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Красивый черный, из финляндского гранита, саркофаг с возвышающимся над ним высоким, из того же материала, крестом воздвигнут в 1863 году над прахом той, которая своей красотой так много дала Пушкину, но зато так много и отняла у русской литературы. Тогдашний „свет" оправдал ее, назвал даже жертвой, и она скоро вышла снова замуж за генерала П. П. Ланского, могила которого рядом.

В основной массе произведений Пушкина Петербург почти не упоминается, если не считать „Домика в Коломне" и отдельных мест „Евгения Онегина", но зато „Медный всадник" целиком посвящен ему. Здесь поэт отдает дань своего восхищения городу, столь „пышно" и „горделиво", при медленном темпе тогдашней жизни, „вознесшемуся" „из топи блат" и тьмы „лесов". Героем поэмы, символизирующим весь замысел автора, является фальконетовский памятник Петру, который неотступно привлекал к себе восхищенные взоры столичных жителей и путешественников в течение полутора столетия и был вдохновителем целого ряда поэтов. Так же не может он не завладеть вниманием и современного экскурсанта, любящего литературу, который, любуясь двойной мощью— коня и всадника, невольно воссоздает себе прежде всего картину того ненастного утра, когда Нева, „остервенясь, на город кинулась". Здесь, вокруг знаменитого памятника, бушевала она, и здесь же недалеко, на одном из львов у подъезда б. военного министерства, а раньше дома кн. Лобанова-Ростовского,[1] незадолго до того построенного Монферраном, только еще приступавшим к созданию прославившего его Исаакиевского собора, сидел несчастный Евгений и поверх растилавшегося перед ним бушующего моря, с одиноким на скале „медным всадником" среди него, безумным от тревоги взором всматривался в очертания Васильевского острова, где, в далекой Гавани, гибла

[1] Ныне Военно-химический музей.

в это время его Параша. Вспоминая поэму, нам легко будет припомнить и другую потрясающую сцену, когда бедному, уже лишившемуся разума, Евгению кажется, что оскорбленный им Петр мчится за ним „по потрясенной мостовой“ „на звонко-скачущем коне“.

Вот главнейшие данные о памятнике, имеющем столь исключительную популярность. Екатерина пригласила француза-скульптора (своих у нас еще не было, а французское искусство было первым в Европе) Фальконэ, рекомендованного философом Дидро, с которым Екатерина вела оживленную переписку. Выбор Дидро оказался как нельзя более удачным: Россия в лице Фальконэ получила гениального мастера, которому не без трений, конечно (вмешивался Бецкий), удалось-таки вполне воплотить в меди свой замысел—создать в образе героя-всадника, попирающего змею, олицетворяющую темные силы, в соответствующей веку ложноклассической манере, подлинно величавый памятник реформатору. Крутая, дикая скала, бешеная скачка, простертая „отеческая“ рука,—все это несложные, гениально простые атрибуты, которые Фальконэ пришлось отвоевывать у заказчиков, хотевших чего-нибудь более изысканного и запутанного в духе тогдашней сложной символики.

„Петр великий сам себе сюжет и атрибут — довольно показать его“, писал Фальконэ. Памятник вышел прост и величав.

Ужасен он в окрестной мгле.
Какая дума на челе,
Какая сила в нем сокрыта,
А в сем коне какой огонь... —

пишет Пушкин в „Медном всаднике“, и нам остается признать, что это четверостишие, столь же простое, как сам памятник, наилучшим образом определяет то впечатление, которое на всех и всегда производит последний.

Создав памятник, в сотрудничестве со своей ученицей Марией Колло, изваявшей голову Петра, Фальконэ не выдержал всех неприятностей, с которыми ему пришлось столкнуться при дворе Екатерины, и уехал во Францию задолго до открытия памятника, а все оставшиеся

работы были поручены известному архитектору екатерининского времени Ю. М. Фельтену.[1]

Неотделимой частью замысла является могучая гранитная скала, на которой как бы над бездной во-время поднял на дыбы своего коня всадник. Огромный камень, послуживший материалом для этой скалы, нашли в лесу около Лахты и при помощи хитрых механических приспособлений морем доставили к месту назначения. На скале с двух сторон, на русском и латинском языках, краткая надпись, соответствующая всему стилю памятника:

ПЕТРУ ПЕРЬВОМУ
ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ

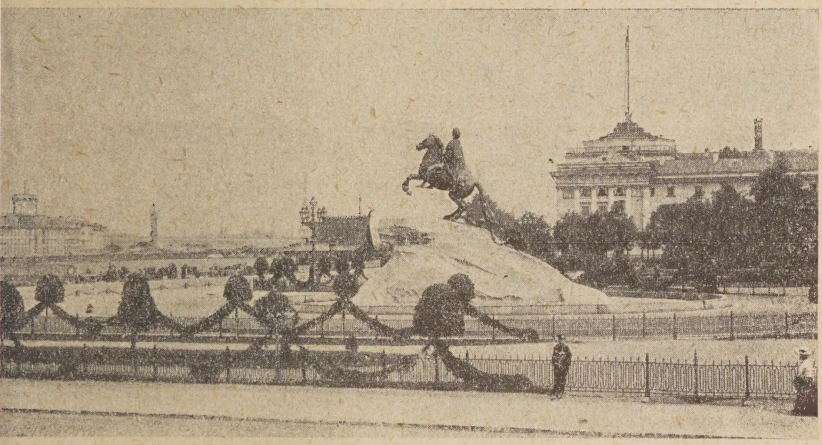
и определенно вскрывающая мысль Екатерины попутно возвеличить и себя, поставив свое имя рядом с именем Петра. Открытие памятника последовало 7 августа 1782 года. Екатерина, в короне и порфире, смотрела на торжество с балкона Сената, бывшего на том же месте, где для него и Синода потом уже, в следующем веке, архитектором Росси было возведено здание, занимаемое теперь Центральным архивом. По данному ею преклонением головы знаку, распалась закрывавшая памятник полотняная, в виде декораций, ограда, и воздух огласился криками и выстрелами из пушек.

Памятник в течение более полувека имел художественную решетку вокруг скалы, снятую при Николае II, говорят, по совету Вильгельма II, находившего, что она мешает впечатлению от всего художественного целого. Эту историческую решетку, сохранившуюся в складах Откомхоза, предположено восстановить.

С памятником, как „покровителем города", связано много легенд. Приведем одну из них, со слов известного в 30—40-х годах гр. М. Ю. Вьельгорского. В 1812 году Александр I, опасаясь неприятельского нашествия, хотел увезти из Петербурга куда-нибудь на север „Медного всадника", на что уже было отпущено несколько тысяч

[1] Фельтен, бывший помощником Растрелли при постройке Зимнего Дворца, самостоятельно построил в Петербурге гранитные набережные на Неве и каналах и несколько церквей. Ему же принадлежит решетка Летнего сада, легкостью и стройностью рисунка которой восхищается Батюшков.

рублей, но отказался, будто бы от своего намерения, когда ему рассказали о „дивном“ сне одного майора незадолго до того. Майору несколько ночей под ряд снилось, что „Медный всадник“ скачет через Васильевский остров и Петербургскую сторону, подъезжает к Каменноостровскому дворцу, где жил в 1812 году Александр I, и говорит вышедшему к нему навстречу Александру: „Молодой человек, до чего ты довел мою Россию. Но покамест я на месте, моему городу нечего опасаться“.



„Медный всадник“.

Вообще, внимание поэтов все время привлекалось к памятнику как благодаря его художественной красоте, так и благодаря той идее, которая вложена его творцом в свое творение и которая в дальнейшем рождала много других идей, связанных с судьбами города и всей империи, созданной Петром I. Памятником вдохновлялись, кроме Пушкина, Огарев, Мицкевич, живший несколько лет в России, Вяч. Иванов, Ипп. Анненский, Андрей Белый в своем „Петербурге“, А. Блок, Вал. Брюсов, Анна Ахматова, Вл. Маяковский.

Имя Пушкина присвоено теперь литературному музею при Всесоюзной Академии наук — „Пушкинскому дому“, находящемуся на Васильевском острове, между Универ-

ситетом и Биржевым мостом (Тифлисская 1), и заключающему в себе огромное собрание рукописей, документов, писем, портретов и всякого рода вещественных памятников, связанных с жизнью и деятельностью русских писателей XVIII—XX веков. Сюда поступили за годы революции, кроме Пушкинского музея из Александровского лицея и Лермонтовского из Николаевского кавалерийского училища, все известные литературные архивы (Ефремова, Дашкова и др.), находившиеся в частных руках, и все время широкой рекой вливаются все новые и новые сокровища. Общее количество рукописей Пушкинского дома определяется цифрой в миллион документов, составляющих 17 000 инвентарных номеров, из которых, за недостатком рук, описано меньше половины. Архивов и собраний, цельных или сохранившихся лишь частично, иногда в виде жалких остатков в Пушкинском доме больше трехсот. Кроме того, в Пушкинский дом все время поступают отдельные документы всякого рода, а также и предметы, имеющие историко-литературный интерес и относящиеся к самым разнообразным эпохам и лицам.

Кроме Пушкинского дома, памятника действительно достойного имени великого поэта, в Ленинграде есть еще памятник Пушкину скульптурный, на Пушкинской же улице, но столь жалкий, что о нем не стоило бы говорить, если бы он не был единственным в б. столице Российской империи. Засунутый в узкую щель, какой является названная улица, среди многоэтажных домов, очень скромный по трактовке сюжета, он невольно наводит на мысль об убожестве петербургской муниципальной мысли в восьмидесятые годы, когда б. городская дума его поставила. На памятнике надпись:

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН.

Родился в Москве 26 мая 1799 г. Скончался в С.-Петербурге 29 января 1837 г.

На пьедестале с одной стороны помещены стихи из „Медного всадника“:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

с другой из „Памятника“:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.

Вокруг памятника — обсаженная чахлыми деревьями, не имеющими в этой „дыре“ света, площадка, на которой, за неимением лучшей в районе, постоянно играют дети. Совсем иначе, как известно, оценен был Пушкин Москвой еще в 1880 году, когда Страстной бульвар украсился его действительно художественным памятником. А между тем во сколько раз больше Пушкин связан с Петербургом, чем с Москвой, хотя он в ней и родился...

В заключение отметим еще одно петербургское „событие“, имевшее место в 1887 году, когда исполнилось пятидесятилетие со дня кончины Пушкина, и произведения его, по тогдашнему закону, сделались общей собственностью. Ко дню юбилея многие издательства выпустили дешевые издания поэта, из которых лучшие были: Павленкова—в 8-ми томиках и Суворина — в 10-ти, и то и другое по 1 р. 50 к. (раньше сочинения Пушкина стоили 10 р.). И вот что делалось в известном книжном магазине Суворина на б. Невском, 40, во втором этаже (где теперь „Ленинградская Правда“): „Такого дня не было никогда. Книжный магазин... подвергся решительно осаде. Несмотря на то, что приняты были меры, усилен состав приказчиков, экземпляры запакованы были заранее, толпа сказалась в этом случае как хорошими, так и дурными сторонами. Еще до открытия магазина стояла толпа, с минуты на минуту она увеличивалась. Магазин был битком набит, была давка и смятение. Приказчики и артельщики сбились с ног; некоторые из публики влезали на столы, забирались за прилавки, сами хватали сдачу. К 11 часам магазин представлял картину разрушения — в углах, за прилавками, были беспорядочно нагромождены груды разорванных, запачканных, истоптанных ногами различных книг, которых не успели вовремя прибрать с прилавка, разломана мебель и повержена на пол, конторка с кассой опрокинута, конторские книги измяты и растоптаны... С помощью полиции магазин был закрыт, и публику стали пускать частями, в очередь. Покупатели входили уже с заранее сжатыми в кулаке деньгами. Их прямо совали в карманы артельщикам, брали, что нужно, и уходили, пробираясь через толпу... В двенадцатом часу дня все 6000 экземпляров, приготовленные на этот день, были проданы... „Сочине-

ния Пушкина" в издании Суворина печатались в количестве 15 000 экземпляров... В Петербурге и других местах в один день продано одного этого издания до 10 000 экземпляров. Такого факта не было еще никогда с самого начала русской книжной торговли".[1]

Лермонтов. От Пушкина легче всего перейти к Лермонтову, его почитателю и преемнику. Лермонтов в Петербурге учился в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и живал, когда служил в лейб-гвардии гусарском полку. Здания школы, где он провел „два ужасных года", среди бесшабашной золотой молодежи, не признававшей ничего, кроме манежа, светских успехов и кутежей, больше не существует. На его месте в 40-х годах был выстроен архитектором Штакеншнейдером дворец для дочери Николая I, так называемый „Мариинский дворец", в котором после ее смерти до самой революции заседал Государственный Совет. Школа же, преобразованная в 1839 году в Николаевское кавалерийское училище, была переведена на Ново-Петергофский проспект, не доезжая до Обводного канала, и здесь, в саду, перед фасадом здания, незадолго до революции воздвигнут памятник Лермонтову, вместе с более скромными памятниками, бюстами только, других известных питомцев учебного заведения: кавказского генерала Слепцова, географа Семенова-Тяньшанского и композитора Мусоргского. Лермонтов изображен в бронзе в лейб-гусарской форме, в шинели, наполовину свесившейся с плеча, сидящим на скамье с книгой в руках. Скамья является одновременно как бы пьедесталом для статуи. На пьедестале надпись, буквы которой пострадали в годы разрухи и до сих пор не возобновлены. По обе стороны памятника большие бронзовые канделябры с безвкусными колпачками для лампочек в виде снопов пламени. В здании училища до революции помещался и Лермонтовский музей, переведенный теперь, как сказано выше, в Пушкинский дом. Музей был открыт в 1883 году и заключал в себе богатый рукописный, иконографический и печатный материал, относящийся к Лермонтову. Теперь в помещении б. училища помещается советская кавалерийская школа. Есть и дру-

[1] Цитируем по изданию Госуд. Изд. „Книга в России", т. II, стр. 474.

гой памятник Лермонтову в Ленинграде. Это скромный бюст, поставленный в 1896 году, в числе трех (два другие — Гоголя и Глинки) городской думой в б. Александровском (ныне Сад Трудящихся) саду, у фонтана, больше для украшения сада или фонтана, чем в ознаменование памяти поэта. Здесь Лермонтов изображен уже в армейской форме, тоже с шинелью, спадающей с одного плеча, и с очень мало выразительным лицом. На массивном гранитном пьедестале вырезан отрывок:

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: „он любил отчизну“

(1841 г.)

а с другой стороны знаменитые строки из „Поэта“:

Твой стих, как божий дух, носился над толпой,
И отзвук мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

(1839 г.)

Все три бюста в саду производят довольно жалкое впечатление, являясь как бы лишь архитектурным дополнением к огромному фонтану, только портящему своей громоздкостью и отсутствием всякого стиля и отделки захаровский фасад Адмиралтейства.

Домов, где жил Лермонтов в Петербурге, служа в гвардии, не сохранилось, но дом, где 16 февраля 1840 года, на балу, произошла ссора его с Барантом, сыном французского посла, за которую он был во второй раз переведен на Кавказ, до сих пор украшает б. Английскую набережную, а теперь набережную Красного флота. Это дом № 4, с двумя гранитными львами по обе стороны подъезда, рядом с б. Сенатом, занятый, вместе с этим последним, архивом, — б. гр. Лаваль, выстроенный Тома де Томоном, автором Биржи на стрелке Васильевского острова. С домом гр. Лаваль связан ряд литературных воспоминаний. Дочь графини была замужем за декабристом кн. Трубецким и воспета Некрасовым в „Русских женщинах“. В этом доме в ночь с 14 на 15 декабря

1825 года искали князя и из него же в далекую Сибирь выехал

Покоен, прочен и легок
На диво сложенный возок

с молодой княгиней.[1] У гр. Лаваль в течение ряда лет собирался весь Петербург, великосветский и литературный, а на интимных вечерах писатели выступали со своими новыми произведениями. Так, известно, что Карамзин в 1816 году читал здесь новые главы своей „Истории", а Пушкин 12 лет спустя — в 1828 году — „Бориса Годунова".

Дуэль Лермонтова с Барантом вспоминается еще и тогда, когда проезжаешь мимо здания Комендантского управления, на углу б. Садовой и Инженерной, — здесь был тот „ордонанс-гауз", в котором Лермонтов месяц сидел под арестом после дуэли. В заключении он написал стихотворения „Пленный рыцарь" и „Соседка" и свою поэтическую исповедь „Журналист, читатель и писатель". Сюда к нему приходил Белинский, оставшийся в восторге от беседы с поэтом-гусаром, продолжавшейся четыре часа...

Гоголь. Третий крупнейший русский писатель середины прошлого века, Гоголь, тоже отдал Петербургу ряд лет наиболее напряженной своей литературной деятельности. Приехав в столицу в 1829 году, полный мечтаний и планов работы на общественную пользу, он прожил здесь до 1836 года, написав в Петербурге почти все свои наиболее знаменитые произведения. Даже „Мертвые Души", вышедшие в 1842 году, были начаты во второй половине 1835 года, т. е., значит, тоже в Петербурге. Два дома, где жил в Петербурге Гоголь, точно известны, и на одном из них даже прибита доска с соответствующей надписью.

Дом, где впервые поселился Гоголь, приехав из родной полтавщины вместе с товарищем Данилевским, поступившим в Школу гвардейских подпрапорщиков, находится на б. Казанской улице (ныне ул. Плеханова) против Столярного переулка под № 39. Это прекрасный образец многоэтажного доходного дома александровской эпохи с фронтоном и балконами в среднем этаже. Он принадлежал во времена Гоголя первому петербургскому

[1] Некрасов, Русские женщины.

каретнику Иохиму и населен был всегда до отказу; мы имеем весьма красочное описание его у самого Гоголя. Вот что пишет он матери на Украину 30 апреля 1829 года:

„Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе двух портных, одну маршанд-де-мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, декатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку и, наконец, привилегированную повивальную бабку. Натурально, что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу в четвертом этаже". К сожалению, установить квартиру, где жили Гоголь с Данилевским, пока не удалось. Отсюда будущий великий писатель ходил на службу в свой департамент, напитываясь первыми впечатлениями столичной жизни и собирая материал для таких своих произведений, как „Шинель", „Записки сумасшедшего", „Нос", „Женитьба" и „Невский проспект". Отметим еще, что одновременно с Гоголем в этом доме жил Мицкевич, проводивший годы своего изгнания в Петербурге и Москве и друживший с русскими литераторами во главе с Пушкиным.

В 1831 году Гоголь живет уже на б. Малой Морской (улица Гоголя) в доме Лепена (№ 17), отмеченном в 1902 году мраморной доской с надписью:

В этом доме жил с 1831 по 1835 год
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ.

Это дом, в котором были написаны почти все лучшие произведения Гоголя и где у Гоголя бывал Пушкин, как известно, очень увлекшийся талантом „молодого хохла".

Гоголь жил во дворе, в третьем этаже бокового флигеля, в квартире, числящейся теперь под № 10, из трех небольших комнат с четырьмя окнами на двор, и ходил домой, значит, через ворота, выходящие на улицу. Дом этот имел в те времена другой номер — 97, увековеченный в адресе письма Хлестакова к Тряпичкину: „в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже, направо". В этой квартире (Гоголь только ненадолго уезжал раза два из нее домой, на родную Украину) написаны „Вий", „Старосветские поме-

щики", „Повесть о том, как поссорились..." „Тарас Бульба", „Записки сумасшедшего", „Невский проспект", „Нос", „Ревизор", начата „Женитьба", задумана „Шинель" и „Мертвые души". Последний владелец этого дома Г. А. Лепен рассказывал, что его родители жили под Гоголем и в то время, когда он создавал „Ревизора", постоянно слышали его шаги по ночам. Именно в этой квартире происходили частые дружеские беседы Пушкина с Гоголем, одну из которых изобразил художник М. П. Клодт в известной картине „Пушкин у Гоголя". Здесь же, вероятно, происходило и то, о чем сообщал Г. П. Данилевскому слуга Гоголя Яким, когда через два с половиной месяца после кончины Гоголя, в мае 1852 года Данилевский посетил родину Гоголя. „По словам Якима,— пишет Данилевский,[1]—Пушкин, заходя к Гоголю и не заставая его, с досадой рылся в его бумагах, желая знать, что он написал нового. Он с любовью следил за развитием Гоголя и все твердил ему: „пишите, пишите", а от его повестей хохотал и уходил от Гоголя всегда веселый и в духе".

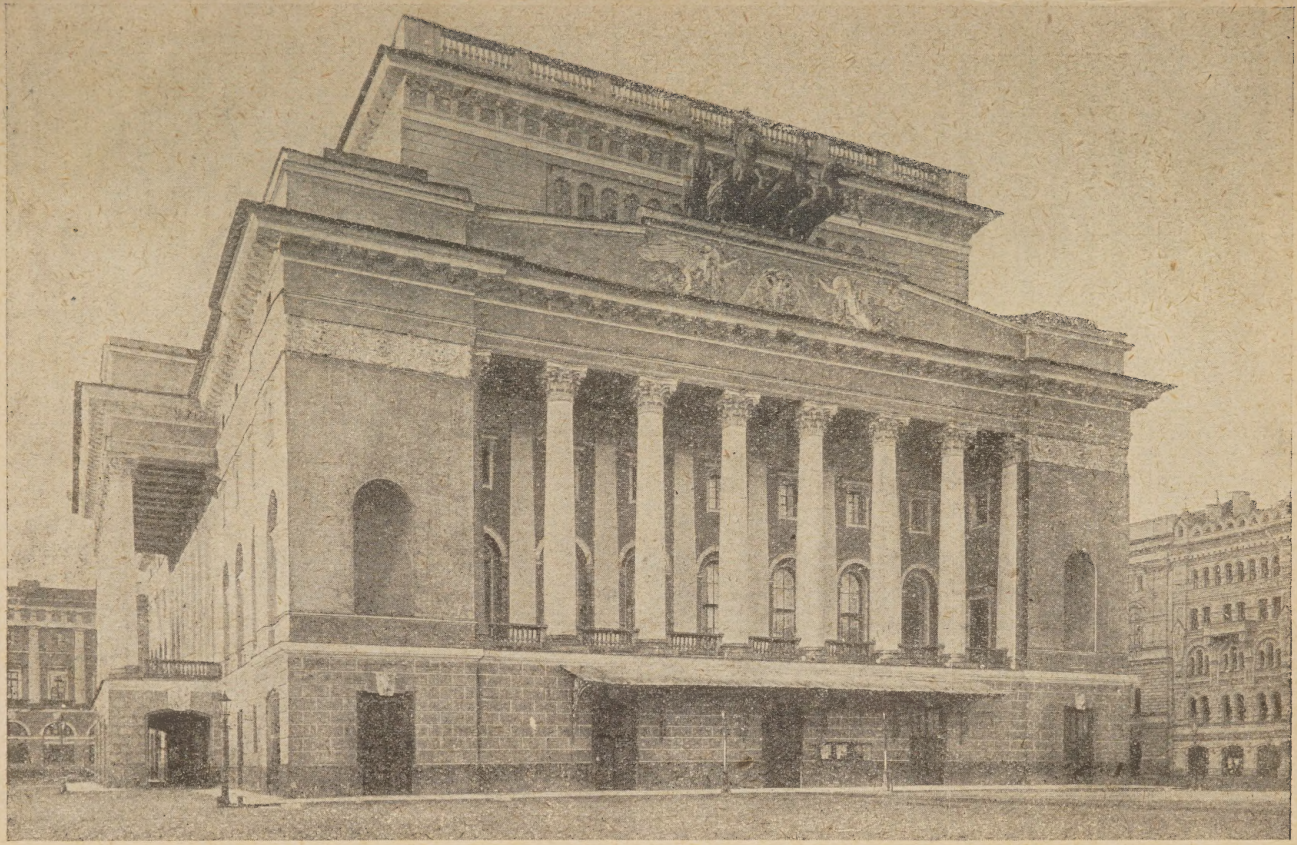
Мы знаем, однако, что не всегда произведения Гоголя производили такое впечатление на Пушкина. Существует рассказ (самого Гоголя), что, когда Пушкин прослушал первые главы „Мертвых душ", сюжет которых был дан автору им самим, как и сюжет „Ревизора", он глубоко задумался, сделался мрачен, а затем с тоской вымолвил: „Боже, как грустна наша Россия".

Из этих же ворот выходил Гоголь, когда ему нужно было отправляться или на уроки в Патриотический институт на Васильевский остров или на лекции в Университет, где, как известно, он в течение двух лет читал курс всеобщей истории. Доска прибита к стене дома, а также и улица из прежней Малой Морской переименована в улицу Гоголя.

Уехал Гоголь из Петербурга в мае 1836 года, угнетаемый нападками, обрушившимися на него после первого представления „Ревизора", „на", как тогда говорили, Александринском театре. „Ревизора" и актеры, и публика, и критика поняли совсем не так, как того хотел автор,

---

[1] Данилевский, Полное собрание сочинений, изд. Маркса, т. XIV, стр. 121.



Александринский театр.

и начавшийся вокруг комедии шум так подействовал на впечатлительного, нервного Гоголя, что он бросил все и бежал из России за границу.

Здесь будет уместным дать некоторые сведения и о том театре, на сцене которого „Ревизор" впервые увидел свет рампы. Величественное здание этого театра, созданное в 30-х годах знаменитым Росси на месте бывшего здесь прежде деревянного театра, возвышается на площади, граничащей с Невским сейчас же за Публичной библиотекой и отделяется от Невского сквером с памятником Екатерине. По замыслу своего строителя, оно является центром того ансамбля, который состоит, кроме него, из зданий, образующих Театральную улицу, [1] а своими фасадами окаймляющих театр, если смотреть на него с б. Невского (Музей академических театров слева и Откомхоз справа). Названный Николаем I в честь супруги, „Александринским" (ныне переименованный — Академический театр драмы), он уже с 1837 года становится исключительно драматическим. В этом театре за столетие имели место почти все премьеры русской драматической литературы, начиная с „Ревизора" и до нашего времени. Почти вся русская драматическая литература второй половины прошлого века обязана Александринскому театру своим сценическим оформлением. Частных театров тогда еще почти не было. Приведем на выдержку несколько пьес, первые представления которых состоялись в Александринском театре: „Ревизор" (1836 г.), „Свадьба Кречинского" (1856 г.), „Свои люди — сочтемся" (1861 г.), „Доходное место" (1863 г.), „Смерть Иоанна Грозного" (1867 г.), „Борис Годунов" Пушкина (1870 г.), „Лес" (1871 г.), „Месяц в деревне" (1879 г.), „Иванов" (1889 г.), „Чайка" (1896 г.), и мн. др. Самая площадь перед театром, в память известного драматурга XIX столетия, названа площадью Островского. В Александринском театре протекла сценическая карьера таких корифеев русской драмы, как братья Каратыгины, Максимов, Мартынов, Сосницкий, затем в 60—70-х годах — Самойлов, Монахов, Линская, а в 80—90-х годах и уже в XX веке — Давыдов, Варламов, Сазонов, Жулева, Стрепетова и Савина. Соперничали

[1] Улица Зодчего Росси.

с ними приезжавшие из Москвы, в разное время Щепкин, Мочалов, Ермолова, а в посту, когда не играли императорские труппы, выступали иностранные гастролеры — мейнингенцы, с Барнаем во главе, и Томазо Сальвини. Роль Александринского театра в истории русской литературы огромна, и он до сих пор высоко несет свое знамя, все время обновляясь, следуя духу времени и идя навстречу требованиям вечно меняющейся жизни.

Гоголь не только жил в Петербурге и творил в нем свои произведения. Петербург привлекал его сам по себе, может-быть, по контрасту с его тихой Украиной. В уличных впечатлениях столичного города он искал мистических откровений, и в его произведениях мы находим ряд мест, где он говорит о Петербурге и устанавливает свое отношение к нему. Вспомним его так наз. „Петербургские повести" — „Шинель", „Нос", „Записки сумасшедшего", наконец, „Невский проспект", произведение даже названное именем главной улицы Петербурга, а также „Петербургские записки" 1836 года. Воспринимая Петербург исключительно со стороны быта, считая его какой-то „европейско-американской колонией", городом, который „весь шевелится, от погребов до чердака", Гоголь, однако, поддается его очарованию, создающемуся благодаря действию природы и освещения. В „Петербургских записках" мы находим такие строки: „Когда Адмиралтейским бульваром достиг я пристани, перед которою блестят две яшмовые вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвет неба дымился с Выборгской стороны голубым туманом, строения стороны Петербургской оделись почти лиловым цветом, скрывшим их неказистую наружность, когда церкви, у которых туман одноцветным покровом своим скрыл все выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой материи, и в этой лилово-голубой мгле блестел один только шпиц Петропавловской колокольни, отражаясь в бесконечном зеркале Невы, мне казалось, будто я был не в Петербурге; мне казалось, будто я переехал в какой-нибудь другой город, где уже я бывал, где все знаю, и где то, чего нет в Петербурге..." [1]

[1] Сочинения и письма Н. В. Гоголя, т. VII, стр. 344.

Невский проспект, особенно привлекающий к себе его внимание, Гоголь изображает во все часы дня и, в конце концов, изрекает ему приговор: „На Невском все обман, все мечта, все не то, что кажется". „Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенной массой наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, форейторы кричат и прыгают на площадях, и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде". [1]

На этом мотиве построен и весь сюжет повести Гоголя „Невский проспект", где оба героя принимают своих героинь не за то, чем они являются, и тем самым делаются как бы жертвами Невского проспекта, на котором они их встретили, этой атмосферы лжи и миража, символом которой он является.

Памятника Гоголя, столь связанного, как мы видели, с Петербургом, в Ленинграде нет — есть только уже упомянутый бюст у фонтана в Саду Трудящихся. На пьедестале бюста, кроме обычных дат, цитаты из „Мертвых Душ":

Определено мне чудною властью озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы (гл. VII)

и из письма к Жуковскому:

Знаю — мое имя после меня будет счастливее меня.

Герцен. Остались в Петербурге монументальные воспоминания кратковременного пребывания в нем и другого крупного автора прошлого века, впрочем, еще только начинавшего свою литературную деятельность в 40-х годах. Мы говорим о Герцене, который провел в Петербурге зиму 1840/41 года на службе в министерстве внутренних дел между двумя ссылками, в Вятку и в Новгород, и жил в большом доме [2] на углу б. Б. Морской (ныне ул. Герцена) и Гороховой

[1] Сочинения и письма Н. В. Гоголя, т. III, стр. 227 — 228.

[2] Великолепный образец доходного дома первой половины XIX столетия.

(ныне ул. Дзержинского), благополучно украшающем обе эти улицы и до сих пор. Над подъездом дома, со стороны улицы Герцена, в 1920 году, в пятидесятилетие со дня кончины Герцена укреплена временная доска с надписью: „Александр Иванович Герцен жил в этом доме в 1840—1841 г.“ (Пора бы заменить ее настоящей мраморной.)

Вот как сам Герцен, привыкший к московскому и провинциальному приволью, описывает этот дом в письмах 40-х годов своим знакомым: „Дом, в котором мы живем,— от души петербургский дом: во-первых — шестиэтажный, во-вторых, в нем нет секунды, когда бы не пилили бы, не звонили бы в колокольчик, не играли бы на гитаре и проч. Жильцов малым чем меньше, нежели в Ноевом ковчеге, да и состав похож, т. е. несколько человек и потом от каждого рода птиц, рыб, животных — пара“. Или в другом месте: „Мы нанимаем квартиру в настоящем петербургском доме, т. е. не дом, а orbis;[1] тут есть лавки, магазины, директора министерств, офицеры, винные погреба, шесть этажей и несколько сот окон; тут по подряду на весь дом ставят воду, топят печи, вставляют рамы, натирают полы. Все это совершенно противоположно московскому широкому комфорту“.

Герцены жили в третьем этаже в кв № 21, платили за квартиру 2500 р. ассигнациями, 100 р. за воду и почти столько же за носку дров. Жизнь Герцена в этом доме— кратковременный, но очень характерный, эпизод его биографии, подробно рассказанный в „Былом и думах“. Герцен приехал в Петербург из Владимира, где он был в ссылке, в мае 1840 года и поступил на службу в канцелярию министра внутренних дел графа Строганова. Лето и осень прошли благополучно, но вот 7 декабря, в 9 часов утра, у того самого подъезда, над которым прикреплена вышеуказанная доска, внезапно появляются сани с квартальным надзирателем, и Герцена, еще не успевшего одеться, чтобы итти на службу, увозят в страшное III отделение. Оказывается, что он тяжко провинился перед правительством — рассказывал в обществе с порицанием и соответствующими „рассуждениями“ имевший место незадолго до того и взволновавший весь город

[1] Мир.

факт убийства на Синем мосту будочником прохожего. Об этом же он написал в двух письмах, причем во втором — к отцу — добавил: „отсюда Вы можете видеть, какова у нас полиция". Письма были перехвачены и представлены шефу жандармов. „Разглашение ложных и вредных слухов есть преступление, не терпимое законами", сказали Герцену в III отделении, а на другой день сам генерал Бенкендорф объявил ему, что государь приказал было отправить его обратно в Вятку [1] и, только узнав о болезни его жены, изменил свое решение и, воспрещая ему въезд в столицы, предоставляет министру внутренних дел, начальнику Герцена, избрать для него местожительство. Как Герцен ни протестовал, указывая, что об этой истории говорил весь город, говорили в канцелярии министра, говорили в лавках, к каким людям ни прибегал за заступничеством, ничего не помогло, — правительство Николая I подозревало в крамоле всех и каждого, — и Герцену в июле следующего 1841 года пришлось перебраться в Новгород, куда он был переведен из канцелярии министра внутренних дел „с повышением" — советником губернского правления, так как гр. Строганов, его министр, на почве ведомственных трений, не разделял взгляда III отделения на преступность поведения своего даровитого и независимо настроенного чиновника. Дело, как видно, обошлось для Герцена сравнительно благополучно, но очень больно отозвалось на домашнем покое писателя. Беременная жена его, Наталья Александровна, дважды перепуганная появлением полиции — сначала квартального, увезшего Герцена туда, откуда многие не возвращались, а потом, в тот же день вечером, жандармского офицера, влетевшего в комнату, „гремя саблей, гремя шпорами", после неожиданного звонка, который он чуть не оторвал, опять за Герценом, чтобы немедленно же доставить его к генералу Дубельту, помощнику Бенкендорфа, занемогла и через несколько дней преждевременно родила ребенка, который через день умер. „Едва через три или четыре года оправилась она", добавляет Герцен, заканчивая это место в „Былом и думах" следующими строками: „И что это у них за страсть —

[1] Где он был в ссылке до Владимира

поднять сумбур, скакать во весь опор, хлопотать, все делать опрометью, точно пожар, трон рушится, царская фамилия гибнет, — и все это безо всякой нужды. Поэзия жандармов, драматическое управление сыщиков — постановка для доказательства верноподданнического усердия... Опричники, стремянные, гончие".

Да и сам Герцен, видимо, чувствовал себя отвратительно, пока тянулась вся эта гнусная история. В одном письме того времени он признается, что за это время „состарился" и „ежедневно проживает лет пять". Это так понятно, если вспомнить, какой безграничной властью над душой и телом тогдашних русских „граждан" пользовалась, по выражению того же Герцена, „светская инквизиция", III отделение.

Где же находилось это знаменитое „здание у Цепного моста", куда вызывали Герцена для приятных разговоров с Бенкендорфами и Дубельтами и куда многое множество раз возили и других русских литераторов и всех тех, кто смотрел вперед и не мирился с настоящим днем, мечтая о завтрашнем?

Здание это постоянно упоминается в русской подпольной и сатирической литературе, нередко мы встречаем его и в переписке русских писателей. Цепной мост — это мост через Фонтанку у Летнего сада, близ церкви св. Пантелеймона, еще недавно официально Пантелеймоновский, ныне имени Пестеля; „здание у Цепного моста" — целая группа домов с несколькими внутренними дворами в ближайшем от моста квартале с выходом с одной стороны на Фонтанку (д. № 16), где с 1838 года жили шефы жандармов, а потом министры внутренних дел, а с другой — на Пантелеймоновскую улицу (ныне улицу Пестеля), там, где она, против церкви, образует угол (д. № 7). В этом углу мы видим ворота, через которые, начиная с половины прошлого века, ввозили в каретах со спущенными шторами во двор страшного здания многочисленных политпреступников для допросов, а иногда и временного заключения, до водворения в настоящей тюрьме, так как в одной части здания со двора был ряд камер. Место это в течение многих лет нагоняло на всех настоящий ужас, о нем ходили целые легенды (например, о люке, в который внезапно проваливался до половины корпуса

допрашиваемый для неожиданного физического воздействия на оказавшуюся под полом часть тела), даже такой умеренный автор, как гр. А. К. Толстой, „двух станов не боец, а только гость случайный“, и тот в „Сне статского советника Попова“ писал об этом „доме у Цепного моста“, куда привезли злосчастного героя поэмы для допроса и острастки:

Большой довольно, белый дом.
Своим известный праведным судом.

Сюда вызывали было умирающего Белинского, здесь в 40-х годах, после Герцена, допрашивали петрашевцев (в том числе писателей Ахшарумова, Достоевского, Пальма и Плещеева), в 60-х годах Писарева и Чернышевского, а позже, когда III отделение обратилось в департамент полиции, многих их продолжателей на тернистой стезе русской литературы, критики и публицистики. Архив III отделения, а потом департамента полиции, разбираемый теперь советскими учеными, кроме знаменитой „картотеки“ со сведениями о всех мало-мальски прикосновенных к общественной деятельности лицах, заключает в себе массу документов, которым суждено многое осветить и разъяснить не только в судьбах русской общественности, с которой занимавшее его учреждение столько лет так ревностно боролось, но и в судьбах русской литературы последнего столетия, всегда бывшей в этой борьбе на самых передовых позициях.

Белинский. Мы только-что упомянули о желании III отделения побеседовать с Белинским, литературная деятельность которого к концу 40-х годов решительно обратила на себя подозрительное внимание правительства, в 1848 году, когда последовало вышеозначенное приглашение, еще напуганного известиями о февральских событиях во Франции. Белинский ответил, что он явится, когда встанет с постели, к которой прикован болезнью. Этот жуткий момент увековечен на известной картине Наумова (1882 г.), где умирающий Белинский изображен тревожно приподнимающимся с дивана при известии, что за ним прислали; у дивана сидят Некрасов и Панаев, пришедшие навестить больного, своего друга и главного сотрудника, создававшего такой успех

их журналу, а в дверях задней комнаты, очевидно кухни, видна фигура бравого жандармского вахмистра. Как известно, Белинскому не суждено было доставить удовольствие Дубельту—он не встал с постели ни для Дубельта, ни для „Современника". По словам Кавелина, Дубельт, в руки которого год спустя попал список знаменитого письма Белинского к Гоголю, „яростно сожалел" о смерти Белинского. „Мы бы сгноили его в крепости", добавлял он в объяснение этого своего сожаления. Сцена, изображенная на картине, происходила в деревянном доме Галченкова по Лиговской ул., где теперь огромный дом № 44 против Кузнечного переулка. Окна квартиры Белинского, во втором этаже, выходили на двор как раз против того места, где тогда строился Николаевский вокзал, открывавший собой железнодорожный путь, который должен был впервые прочно связать две русские столицы. Можно себе представить, с каким живым интересом и даже восторгом следил из окна своего кабинета за всеми работами писатель, мысли которого были постоянно заняты судьбами родины и ее будущим. В этой скромной квартирке интеллигентного пролетария происходили ожесточенные споры по всем вопросам текущей жизни, писались горячие статьи, выковывались в борьбе принципы, которыми долго потом жили передовые слои русского общества. На доме до самой его сломки в 900-х годах была памятная доска.

Хоронили Белинского на Волковом кладбище очень скромно, на дешевых тогда местах, где его могила положила начало так наз. Литераторским мосткам (если повернуть сейчас же за кладбищенскими воротами налево, то они будут последними, идущими вглубь кладбища). Русские писатели второй половины прошлого века, считая Белинского своим учителем и идейным вождем, часто перед кончиной заявляли желание лечь рядом с великим критиком, и таким образом создалась традиция хоронить пишущую братию на Волковом кладбище, которое, несмотря на свой неблагоустроенный и особенно пострадавший за годы революции вид, является в Ленинграде в полном смысле литературным Пантеоном, столько мы там находим дорогих имен, начиная с Тургенева, Салтыкова, Добролюбова и Писарева и кончая

нашими современниками—Плехановым, Якубовичем-Мельшиным, Вл. Тихоновым, Муйжелем, Волынским и др.

Особенное внимание на Литераторских мостках останавливает на себе памятник на могиле Г. И. Успенского, работы Шервуда, сооруженный на средства почитателей и открытый 14 ноября 1909 года (Успенский умер, после 11 лет душевной болезни, в Ново-Знаменской больнице под Петербургом 24 марта 1902 года). Будучи вполне художественным, он удивительно передает одну из характерных поз Успенского и частое выражение тревожной печали в его глазах.

Лавка Смирдина. Отмечая вещественные памятники, связанные с именами всех главных наших писателей 30—40-х годов, нельзя не упомянуть, в заключение настоящей главы, имени А. Ф. Смирдина, книгопродавца и издателя, впервые в России, после Н. И. Новикова, приступившего к издательской деятельности в широких размерах. Он вел дело буквально со всей страной и, имея свою типографию и переплетную, очень удешевил книгу. Для иллюстрации размаха предприятия Смирдина укажем, что басни Крылова были им напечатаны в течение нескольких лет в количестве 44 000 экземпляров. „Лавка Смирдина", помещавшаяся в лучшие годы фирмы на Невском, в доме Петропавловской лютеранской церкви, в первом от Полицейского моста его флигеле (№ 22), была роскошно обставлена, имела при себе библиотеку для чтения и являлась своего рода литературным клубом. Заходившие к Смирдину писатели, просматривая книги, подолгу засиживались в магазине, беседуя друг с другом и с радушным хозяином и обмениваясь литературными новостями. Смирдин издавал всех тогдашних литераторов, щедро авансировал их,[1] очень любил их общество, даром что сам был, как тогда говорили, „из простого звания". Писатели платили ему такой же приязнью, и в феврале 1832 года, чуть не в полном составе тогдашнего литературного Олимпа, приняли его приглашение на торжественный обед по случаю открытия магазина в новом помещении на Невском, а после обеда, по предложению Жуков-

[1] „Наши литераторы владеют его карманом как арендой", пишет Никитенко.

ского, поднесли ему в подарок ряд своих новых произведений для трехтомного альманаха „Новоселье", на обложке которого, работы А. Брюллова, изображены и этот обед с фигурами Пушкина, Крылова и самого Смирдина на первом плане (I том), и внутренность магазина с наполняющей его публикой (II том). В этом II томе мы находим, между прочим, „Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем", впервые увидевшую здесь свет. Лемке в своей книге „Николаевские жандармы и литература 1826—1855 годов" рассказывает, что, зайдя как-то в книжный магазин Смирдина, известный тогдашний писатель гр. Сологуб шутливо импровизировал, в присутствии находившегося тоже в магазине Пушкина:

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь...

Иль в Булгарина наступишь —

добавил поспешно Пушкин.[1] Сенковский упоминается в анекдоте потому, что он был приглашен Смирдиным редактировать издававшийся им толстый журнал „Библиотека для чтения". Журнал этот имел большой успех, был в 30-х годах самым распространенным,[2] но, в конце концов, вследствие щедрости и широты размаха издателя,[3] он же пошатнул дело фирмы, и в начале 50-х годов Смирдину пришлось ликвидировать все предприятие.

---

[1] Стр. 357.

[2] В 1834 году—5 000 экземпляров.

[3] Пушкин получал в „Библиотеке для чтения" по червонцу за строчку стихотворения, а Крылов—по 300 р. за басню.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА.

Достоевский. Начиная новую эпоху с воспоминаний о Достоевском, как писателе 60—70-х годов, связывающем ее с предшествующей, нам надо будет еще ненадолго вернуться назад, к 40-м годам, когда Достоевскому пришлось пережить драму, наложившую отпечаток на все его последующее творчество. Мы говорим о деле „петрашевцев", разыгравшемся в 1849 году и пославшем Достоевского, тогда уже известного писателя, на каторгу. Вместе с ним пострадали и несколько начинающих писателей — Ахшарумов, Пальм и Плещеев, впоследствии популярный поэт, бывали же у Петрашевского и Белинский, и братья Майковы, Аполлон и Валериан, и Салтыков. Дом, где собиралась вся эта молодежь, стоял в левом углу Покровской площади в конце Садовой, за церковью Покрова, где теперь пустырь. „Домик Петрашевского,—говорит П. Н. Столпянский,[1]—был деревянным, маленьким, типичным домиком старой Коломны; наверху крыши шел резной конек, резьба была и под окнами; на улицу выходило крылечко с покосившимися от времени ступеньками, лестница в два марша вела во второй этаж, ступеньки и дрожали, и скрипели, и вызывали невольную боязнь—да выдержит ли лестница тяжесть поднимающегося по ней. Только в особенных случаях по вечерам лестница освещалась вонючим ночником, в котором коптело и чадило конопляное масло"... Здесь происходили, как было указано выше, те дружеские собрания, которые очень скоро дали николаевским жандармам материал, достаточный для того, чтобы создать „дело", сделавшееся историческим. Арестовали Петрашевского в ночь

[1] Революционный Петербург. Изд. „Колос", 1922 г., стр. 10—11.

на 23 апреля 1849 года, и из своего домика он был увезен прямо в Петропавловскую крепость.

С делом „петрашевцев" связано в Ленинграде еще и другое место, полное теперь, как и Покровская площадь, той суеты мирской, которая менее всего позволяет вспоминать о мрачных годах николаевской реакции.

Это — б. Семеновский плац, ныне занятый „бегами". Здесь 22 декабря того же 1849 года должна была состояться казнь Петрашевского и его товарищей по „делу", и здесь на эшафоте, после десяти ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти,[1] Достоевский услышал о своем помиловании, заменявшем ему лишение жизни четырехлетней каторгой.[2] Добавим, что на этой же площади 30 лет спустя происходила казнь первомартовцев в тот самый год, когда кончилась жизнь великого русского романиста и сердцеведца.

Умирал Достоевский 28 января 1881 года в скромной квартире четвертого этажа серого, скучного, унылого дома на углу б. Ямской ул. и Кузнечного переулка, близ Владимирской церкви. Здесь, на лестнице с железными перилами в течение двух дней двигался сплошной поток людей всех возрастов и общественных положений, стремясь через двери с ободранной клеенкой проникнуть в квартиру и поклониться гробу, в котором „с лицом исхудалым и проникнутым глубоким выражением, похожим на радость, почивал великий писатель и столь же великий страдалец".[3] Воздух в квартире по временам так сгущался, — пишет А. Г. Достоевская, — что гасли лампады и большие свечи, окружавшие катафалк. Совершенно чужие люди заявляли желание провести всю ночь у гроба, а некоторые поочередно читали над усопшим псалтырь. Отсюда 31 января двинулась в Александро-Невскую лавру похоронная процессия, растянувшаяся, по словам современников, так, что когда гроб был еще почти у дома, голова процессии, двигавшейся по Владимирскому и Нев-

---

[1] Осужденным прочитали конфирмацию приговора военного суда, надели на них саваны, троим уже завязали глаза, офицер скомандовал целиться... и тогда барабаны ударили отбой.

[2] Эти переживания воспроизведены потом Достоевским в рассказе князя Мышкина в романе „Идиот".

[3] К о н и А. Ф., Петербург, „Воспоминания старожила", стр. 26—27.

скому проспектам, выходила уже на Знаменскую площадь. Провожали тело несколько десятков тысяч, венков было больше ста. Похоронили Достоевского на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры по желанию лаврской братии, у самой ограды, отделяющей кладбище от проездной дороги, ведущей от врат к собору. На могиле воздвигнут памятник из серого гранита, представляющий собой крест с возложенным на него терновым венком. С крестом конструктивно связан бронзовый бюст писателя, утвержденный на двух книгах его произведений, а на пьедестале вырезаны имя, обычные даты рождения и смерти, а затем текст из Иоанна о пшеничном зерне (гл. 12, ст. 24). Бюст виден, как только пройдешь врата лавры направо, за оградой, но, к сожалению, очень загроможден соседними памятниками.

Произведения Достоевского, как и жизнь его, тоже связаны с определенными местами старого Петербурга, особенно роман „Преступление и наказание", место действия которого — Сенная и ее окрестности. По словам дочери Достоевского, писатель любил бродить бесцельно по городу, „блуждал по самым темным и отдаленным улицам Петербурга", иногда разговаривая сам с собой, жестикулируя, обращая на себя недоуменное внимание прохожих, — очевидно, проникался впечатлениями, впитывал в себя в их числе и образы самого города. Автор известной книги „Петербург Достоевского" Н. П. Анцыферов говорит, что из всего литературного наследия Достоевского можно выделить до 20 произведений, в которых Петербург выступает как фон для развития сюжета. Приэтом Достоевский старается как можно точнее воспроизвести все места, связанные с его рассказом.

Отметим уголки города, где происходили события, описанные в „Преступлении и наказании", наиболее популярном романе Достоевского. Жил Раскольников в Столярном переулке, по целому ряду соображений, основанных на сопоставлении текстов, по левой его стороне, за Казначейской, если итти от Кокушкина моста на Екатерининском канале. Здесь, на углу Мещанской, переходя ее, есть большой дом постройки 20 — 30-х годов, по меткому выражению Достоевского, „без всякой архитектуры", с мрачными подвальными помещениями, низкой аркой под

воротами и приплюснутым пятым этажем. В верхнем этаже этого дома, или одного из ему подобных, обитал в каморке, напоминавшей шкаф, Раскольников и пребывание на дворе этого дома, похожем на колодец, живо переносит нас к тем душным, жарким июльским дням, когда Раскольников задумывал и осуществлял свое преступление. Сюда, как справедливо указывает Анцыферов, мог доноситься звон колоколов ближней Вознесенской церкви, привычный образ которой, как известно, возникает в сознании Раскольникова, когда он бредит в своей каморке после убийства.

Если мы займемся теперь вопросом, где жила Соня Мармеладова в том же районе, то, в связи с описанием в романе крайне неправильной формы ее комнаты с одним тупым и одним острым углом, у нас возникнет предположение, не имел ли Достоевский в виду тот дом, на углу Казначейской и Екатерининского канала, в котором много лет помещалось Губернское казначейство (отчего названа и самая улица Казначейской) и фасад которого действительно имеет тупоугольную форму. В нем раньше могли быть квартиры с окнами прямо на канал, как указано в романе.

Третий дом, фигурирующий в романе, тот, где жила старуха-процентщица, трудно установить, хотя он и не менее интересен, чем первые два, но вот место, куда Раскольников запрятал похищенные вещи, почти точно отмечено самой вдовой писателя в примечаниях к его сочинениям (т. V, стр. 99): „Ф. М. в первые недели нашей брачной жизни, гуляя со мной, завел меня во двор одного дома и показал камень, под который его Раскольников спрятал украденные у старухи вещи. Двор этот находится по Вознесенскому проспекту, второй от Максимилиановского переулка; на его месте построен теперь громадный дом".

Все основные эпизоды романа разыгрываются вокруг и на самой Сенной, которая тогда не имела еще торговых корпусов и представляла собой открытый рынок. Недалеко и Юсупов сад, куда любил заходить Раскольников и где теперь, как и в те времена, на площадке между Садовой и прудом резвятся дети и летом отдыхают от трудов праведных ленинградцы, и дом Спасской пожарной

и 6. полицейской части на Садовой, угол Б. Подъяческой, где помещалась та полицейская „контора", в которой повинился в своем преступлении Раскольников.

Пребывание в этом районе легко заставит нас пережить все жуткие перипетии романа и сделает образ несчастного его героя еще более осязательным и близким. Чтобы еще углубить эти переживания, отметим, что сцена Раскольникова с подгулявшей и опозоренной девочкой происходила на 6. Конногвардейском бульваре, когда Раскольников шел на острова через Васильевский остров, что сон свой об истязании клячи он видел на Петровском острове, за Тучковым мостом, когда заснул в кустах, и что Свидригайлов покончил с собой на Съезжинской улице, на тротуаре против каланчи Петербургской пожарной части.[1] Других отражений отдельных мест Петербурга в произведениях Достоевского мы здесь не имеем возможности коснуться, и отсылаем читателей к специальной работе об этом Анцыферова под вышеприведенным заглавием.

Тургенев. Переходя теперь к другим корифеям литературы XIX века, остановимся прежде всего на Тургеневе. Тургенев мало жил в Петербурге, а когда наезжал в столицу, то останавливался в гостиницах, чаще всего в гостинице Демута на Б. Конюшенной улице, где потом был ресторан „Медведь" (д. № 27). Эта гостиница раньше, до появления этого слова в русском обиходе, называвшаяся просто „трактиром", давала временный приют многим русским писателям; некоторые из них в ней подолгу живали. Упомянем, кроме Тургенева, — Пушкина, Чаадаева, Салтыкова. Другой Тургенев, Александр Иванович, дальний родственник Ивана Сергеевича, друг семьи Пушкина, жил у Демута как раз в 1837 году, когда произошла роковая дуэль, и отсюда, с Конюшенной, бросился на Мойку, как только узнал о тяжелом ранении поэта, тело которого через несколько дней ему было суждено везти в Святые Горы. В большом зале этого же Демута много лет спустя, 4 марта 1871 года, по инициативе А. Г. Рубинштейна и И. С. Тургенева, состоялось первое собрание петербургских художников и

[1] Пожарная часть и поныне там, но каланча — деревянная — уже сломана.

литераторов по поводу основания артистического клуба, который в дальнейшем в течение ряда лет играл роль большого культурного центра в Петербурге, объединяя на своих вечерах представителей искусства с наиболее живыми и активными силами тогдашней интеллигенции.

О Тургеневе напоминает и то, уже отмеченное нами в связи с историей Раскольникова, здание Спасской пожарной части, где была тогда полицейская „контора", а в ней, конечно, и камеры для арестованных. В одной из них в 1852 году должен бы был провести целый месяц Иван Сергеевич, обвиненный в дерзком непослушании властям, не пропустившим его письма о смерти Гоголя, предположенного к напечатанию в одном из петербургских журналов (какое бы то ни было упоминание имени Гоголя в печати было воспрещено), тогда как письмо это появилось вскоре после того в „Московских Ведомостях". Мы говорим „должен бы был", так как Тургеневу повезло, и он жил весь месяц хотя в здании части, но в квартире самого пристава, дочери которого оказались почитательницами таланта писателя и устроили ему эту льготу, желая с ним лично познакомиться. Об обстоятельствах всей „истории" Тургенев рассказывает в своих „литературных и житейских воспоминаниях" следующее: „Вскоре после запрещения письма я получил от одного приятеля из Москвы письмо, наполненное упреками. „Как, — восклицал он, — Гоголь умер, и хоть бы один журнал у вас в Петербурге отозвался. Это молчание постыдно". В ответе моем я объяснил, сознаюсь, в довольно резких выражениях, моему приятелю причину этого молчания, и в доказательство, как документ, приложил мою запрещенную статью. Он ее представил немедленно на рассмотрение тогдашнего попечителя московского округа [1] генерала Назимова и получил от него разрешение напечатать в „Московских Ведомостях". [2] Николай I, которому докладывались всякие такие, казалось бы, ничтожные дела, приказал „за явное ослушание" посадить Тургенева на месяц под арест, а потом выслать на жительство на родину под

[1] В 50-х годах цензура была в ведении министерства народного просвещения.

[2] Соч. Тургенева, изд. Маркса, т. XII, стр. 69 — 70, СПБ., 1898 г.

полицейский присмотр. Просидев месяц под арестом и написав за это время „Муму“, [1] Тургенев 18 мая 1852 года был выслан в Орловскую губернию в Спасское-Лутовиново, имение своей матери, где и прожил до конца 1853 года, когда ему было разрешено вернуться в Петербург, но с оставлением под строжайшим надзором полиции. [2] Крупным петербургским событием были похороны Тургенева 27 сентября 1883 года. Гроб сопровождали десятки тысяч народа, в том числе 200 делегаций с венками — от ученых учреждений и обществ, от всех тогдашних журналов, от учебных заведений, от многих городов. Похоронен Тургенев на Волковом кладбище у большой церкви, в одной ограде с Кавелиным. Все расходы по погребению и устройству могилы петербургская городская дума взяла на себя, хотя постановление об этом и было сейчас же опротестовано градоначальником. На могиле — очень удачный бюст писателя, работы талантливой любительницы — скульптора Ж. А. Полонской, второй жены поэта Я. П. Полонского, друга Тургенева. Рядом еще три писательские могилы — Салтыкова-Щедрина, Григоровича и драматурга Невежина, создающие, вместе с могилами Тургенева и Кавелина, второй на кладбище (после Литераторских мостков) литературный уголок.

Именем Тургенева названа в Ленинграде Покровская площадь, в которую упирается та б. Садовая улица, где находится вышеназванная Спасская пожарная часть (ныне Казанская).

Гончаров. Современник и антагонист Тургенева Гончаров, в противоположность ему, самым тесным образом связал свою жизнь с Петербургом. Можно сказать, что, за исключением путешествия на фрегате „Паллада“, он не выезжал из Петербурга никуда, кроме дачных окрестностей и Дуббельна, под Ригой, и почти все время проводил в своей темноватой и малоуютной квартире в первом этаже дома б. Устинова, № 3,

---

[1] Таким образом, повесть, по своему содержанию представляющая самый резкий протест против крепостного права, оказалась написанной „на съезжей“, — говорит Скабичевский в своей „Истории новейшей русской литературы“ (стр. 132).

[2] Надзор этот был снят с Тургенева лишь общей амнистией 26 августа 1856 года, уже в новое царствование.

по Моховой. Здесь, в тиши кабинета с окнами на двор, был создан „Обрыв“, но здесь же в последние годы жизни, находясь в состоянии какого-то страха и вечной подозрительности, он окружает себя только детьми своего старого умершего слуги, почти не принимая посетителей из внешнего, литературного или чиновного мира. Особенно боялся писатель газетных интервьюеров, которым доступ за его порог был уже совершенно заказан. „На Моховой часто можно было видеть, — вспоминает А. Ф. Кони, — знаменитого творца „Обломова“ и „Обрыва“, идущего медленной походкой в обеденное время в гостиницу „Франция“ на Мойке или в редакцию „Вестника Европы“ на Галерной. Иногда у него за пазухой пальто сидит любимая им собачка. Апатичное выражение лица и полузакрытые глаза пешехода могли бы дать повод думать, что он сам олицетворение своего знаменитого героя, обратившегося в нарицательное имя. Но это не так. Под этой наружностью таится живая творческая сила, горячая, способная на самоотверженную привязанность душа, а в глазах этих по временам ярко светится глубокий ум и тонкая наблюдательность“.[1] Умер Гончаров в глубокой старости в той же квартире 15 сентября 1891 года (на доме — памятная доска) и похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры — на краю „обрыва“, над речкой, — вспоминает Кони. На могиле стоит простой деревянный крест — родственников у него почти не было, а общественное мнение в 90-х годах довольно слабо реагировало на литературные события, и потому, вероятно, один из крупнейших писателей предшествовавших десятилетий и остался без достойного надгробия. Уродливость этого факта особенно резко подчеркивается соседством двух художественных памятников на могилах Апухтина и Мамина-Сибиряка.

Крестовский. Недалеко от Гончарова на том же кладбище лежит другой писатель второй половины прошлого века, несмотря на свою несоизмеримость с Гончаровым, пожалуй, не менее популярный одно время в широких слоях читающей публики, чем он. Это Всеволод

[1] Кони А. Ф., Петербург, „Воспоминания старожила“, СПБ., 1922 г., стр. 33 — 34.

Крестовский, автор „Петербургских трущоб", „авантюрного" романа в шести частях, где он впервые, задолго до Горького, изображает героев столичного „дна". „Трущобы", изображенные романистом, это знаменитая когда-то „Вяземская лавра", дом с кучей флигелей кн. Вяземского, по Забалканскому проспекту № 4—6, у самой Сенной, на месте которого, снесенного в 900-х годах, высятся теперь два огромных парных дома с проездом между ними, построенных теми же Вяземскими. Здесь когда-то ютился темный и преступный люд, источником существования и местом „работы" которого была Сенная и прилегающие к ней улицы и переулки, и „вяземские кадеты". в Петербурге было столь же выразительной кличкой, как „хитровцы" в Москве.

Некрасов.

Если мы от Крестовского, типичного представителя тогдашней бульварной беллетристики, перейдем к основному руслу гражданской литературы 60-х годов, то мы должны будем прежде всего остановиться на некрасовских реликвиях. Вся литературная деятельность Некрасова протекла в Петербурге, начиная с конца 30-х и начала 40-х годов, когда он еле перебивался мелкой, грошовой журнальной работой и ставил свои водевили в Александринском театре, и кончая „последними песнями" 1877 года. Все „петербургское" было как-то особенно близко его душе, и ряд его произведений посвящен петербургскому быту и петербургским событиям. Дом, где 20 лет жил и где скончался поэт, — на углу Литейного и Бассейной, № 36/2. Он принадлежал сначала министру народного просвещения 50-х годов А. С. Норову, а потом Андрею Александровичу Краевскому, издателю „Отечественных Записок" и позднее (с 1862 года) первой русской большой политической газеты „Голос". В этом доме по понедельникам много лет у Некрасова собирались сотрудники „Современника" и „Отечественных Записок", и в нем же 27 декабря 1877 года после тяжких страданий скончался Некрасов. Отсюда двинулась в Новодевичий монастырь та похоронная процессия, какой до тех пор еще не видал Петербург. День был чрезвычайно морозный и тем не менее гроб провожало больше 4000 человек. Эта огромная толпа состояла из представителей всех слоев тогдашней интеллигенции, с

молодежью, конечно, во главе. В числе венков, впервые участвовавших тогда в процессии, выделялся венок с красной лентой и надписью: „От землевольцев". На могиле было произнесено несколько речей, между прочим, Плехановым и Достоевским, причем, когда один из ораторов сравнил Некрасова с Пушкиным, из студенческой толпы раздался возглас: „Нет, он выше Пушкина", столь характерный для литературных настроений эпохи. По поводу погребения Некрасова именно в Новодевичьем монастыре в биографии М. Е. Салтыкова, написанной С. Н. Кривенко,[1] есть любопытный рассказ, характерный для обоих писателей. „Когда умер Некрасов, — читаем мы, — и завещал похоронить себя в Новодевичьем монастыре, то надо было видеть, как Салтыков сердился за это на покойника. „Вот видите, — говорил он на панихиде, — не захотел со всеми на Волковом кладбище быть, а выделиться захотел. Я, дескать, такая величина, что не хочу со всеми лежать. А не все ли равно где лежать; между тем для общества это значение имеет. Он вот и при жизни такой же был: все один, все в особенку да в тихомолку". И несколько раз Салтыков повторял на разные лады то же самое. Видимое дело, что это его очень огорчало и что он никак не мог взять в толк, как это „такой умный человек и мог сделать такое распоряжение". Потом он стал даже иронизировать над Некрасовым. Словом, и после смерти нужно быть со „своими". Могила Некрасова видна из-за ограды кладбища, когда вы еще только подходите к его воротам. Она на первой дорожке вправо от входа и представляет собой окруженный невысокой художественной решоткой монумент, увенчанный бюстом поэта, к сожалению, очень плохой работы. На пьедестале известное четверостишие:

Сейте разумное, доброе, вечное,
сейте.
Спасибо вам скажет сердечное
русский народ.

Кроме того, монумент украшен бронзовыми лавровыми венками, на лентах которых вырезаны надписи: „От рус-

[1] Кривенко С. Н., М. Е. Салтыков, его жизнь и литературная деятельность, СПБ., 1896 г., стр. 81 — 82.

ских женщин", „От петербургских студентов", „Печальнику горя народного". Кроме Некрасова, на кладбище Новодевичьего монастыря погребены поэты Ф. И. Тютчев и А. Н. Майков.

Именем Некрасова названа теперь Бассейная улица, на углу которой он жил, а в сквере на Прудках в конце улицы имеется жалкий бюстик, сиротливо торчащий среди площадки, окруженной тощей растительностью недавно разведенного пыльного городского сада. Настоящим памятником Некрасову, надо думать, будет вскоре музей, посвященный ему, с любовью устраиваемый известным историком литературы В. Е. Евгеньевым-Максимовым при Библиотеке Политпросвета (площадь Лассаля, д. № 3). Основание этому музею положено экспонатами некрасовской выставки, устроенной в 1921 году по случаю столетия со дня рождения поэта Петроградским губернским отделом народного образования и Пушкинским домом. В нем собраны: 1) подлинные рукописи Некрасова (до 400 страниц), 2) богатый иконографический материал (между прочим, серия рисунков Кустодиева к некрасовским произведениям), 3) сочинения Некрасова и книги и статьи о нем. Музей стремится расширить свои задачи и сделаться музеем всей русской новой и новейшей литературы, начиная с Некрасова.

Салтыков-Щедрин.

Другим представителем литературы, питавшейся преимущественно гражданскими мотивами, является только-что упоминавшийся Салтыков-Щедрин, который всю вторую половину своей жизни, после оставления службы, жил тоже в Петербурге. Впрочем, устанавливая отношение Салтыкова к Петербургу, отметим еще окончание им в 1844 году Александровского лицея, который за год до того был переведен из б. Царского Села в Петербург, в здание Александринского сиротского дома на Каменноостровском просп. (№ 21), где и помещался до самого своего конца в дни революции. Салтыков, несмотря на долголетние тяжкие страдания от порока сердца, умер, можно сказать, с пером в руках 30 апреля 1889 года в доме № 62 по Литейному просп., недалеко от Невского, где жил с 1876 года. На доме этом тоже имеется памятная доска. В этой квартире Салтыковым были написаны все его последние про-

изведения, между прочим, знаменитая „Пошехонская старина“, и здесь он пережил тяжелую драму запрещения „Отечественных Записок“, которая несомненно очень сократила его век. Могила Салтыкова, как мы уже упоминали, — на Волковом кладбище, в соседстве с могилой Тургенева. На могиле тоже хороший бюст работы неизвестного художника и краткая надпись лишь о том, кто погребен „под камнем сим“.

Помяловский. К числу беллетристов - петербуржцев 60-х годов того же демократического лагеря должен быть отнесен и рано скончавшийся Н. Г. Помяловский, сын дьякона Мало-Охтенской кладбищенской церкви, автор „Очерков бурсы“, где он описывает нравы столичного Александро-Невского духовного училища. В дальнейшем мы видим его слушателем университетских лекций, учителем Смольного института (очень недолго), одним из участников воскресного обучения в школе „на тракту“ (Шлиссельбургском), певчим-любителем Симеоновской церкви, а после „Мещанского счастья“ и статьи Писарева „Роман кисейной барышни“ — видным сотрудником некрасовского „Современника“. Последняя удача, однако, привела его скоро в Обуховскую больницу (он страдал запоем), где он начал новую повесть „Молотов“. Сгорел он от своей болезни очень рано, всего 29 лет, и в октябре 1863 года литературные друзья хоронили его уже на родном Мало-Охтенском кладбище. Именем Помяловского еще до революции была названа одна из улиц на Малой Охте.

Добролюбов. Переходя к критике и публицистике второй половины прошлого века, отметим, что могилы обоих ближайших преемников Белинского, Добролюбова и Писарева, находятся на том же Волковом кладбище, на Литераторских мостках; одна — Добролюбова — даже в одной ограде с могилой Белинского, другая — через мостки, в ближайшем соседстве. Оба надгробия очень простые и имеют на себе только имена погребенных и обычные даты. Добролюбов в последнее время жил в д. № 32 по Литейному просп. и там же 17 ноября 1861 года скончался. Провожала его прах на кладбище небольшая кучка людей, исключительно интеллигенция, все почти прогрессивные тогдашние писа-

тели и профессора, на могиле говорили Некрасов и Чернышевский. С его могилой связано воспоминание об одной из первых студенческих демонстраций в Петербурге, в день двадцатипятилетия со дня кончины критика, 17 ноября 1886 года, т. е. в годы самой свирепой реакции. Вот рассказ о демонстрации одного из ее участников: „С самого утра 17 ноября толпы учащейся молодежи — студентов и курсисток — начали сходиться с венками в руках к вагонам конки, ведущим по направлению к Волкову кладбищу. Места в вагонах брались с боя, так как, в виду ожидавшегося громадного наплыва публики, каждый старался заранее добраться до кладбища, чтобы занять место поближе к могиле знаменитого писателя. Но все эти хлопоты оказались напрасными, ибо прибывшие встретили у входа на кладбище сильный наряд полиции, не позволявшей им проникнуть внутрь. Между тем, вагоны конки продолжали каждые 5—10 минут подвозить десятки людей, все более и более увеличивавших собою толпу, собравшуюся у ворот кладбища. Переговоры с полициею ни к чему не приводили. Решено было отправить депутатов к градоначальнику Грессеру, чтобы убедить его отпереть ворота. Тот решительно воспротивился этому. Но, в конце концов, полиция сделала маленькую уступку: пропустили небольшую депутацию с венками для возложения их на могилу Добролюбова. Оставшиеся же перед решоткой стройно пропели „Вечную память“. Но, уже раздраженные грубым вмешательством полиции, манифестанты не могли больше скрывать закипевшее в них чувство протеста, которое и не замедлило вылиться в форму открытой политической демонстрации. Послышались звуки революционных песен и гимнов; один из участников демонстрации, бывший тогда студентом военно-медицинской академии, доктор Фейт, взобрался на фонарь и произнес перед толпой и на глазах смущенной полиции речь политического характера. После возвращения депутации с могилы, решено было всею толпою двинуться к Казанскому собору и там отслужить панихиду. Конвоируемая полицией многочисленная толпа демонстрантов, под громкие звуки революционных песен, сменявшихся провозглашением „Многая лета“ жившим еще в то время великим изгнанникам

П. Л. Лаврову и Н. Г. Чернышевскому, направилась по Лиговскому каналу к Невскому проспекту, возбуждая интерес и любопытство уличной публики неожиданностью и необычайностью происходящего. Первая кратковременная остановка демонстрантов произошла в момент появления Грессера, выехавшего навстречу толпе. Выйдя из своих саней, он думал остановить ее словами увещания и убедить ее разойтись. Но, после минутного замешательства, вся толпа, охваченная одним чувством возмущения, начала наступать на градоначальника, который быстро ретировался под дружным натиском демонстрантов и поспешно умчался в поджидавших его санях. После исчезновения Грессера демонстранты, под звуки тех же революционных песен, продолжали свой путь. Подходя уже к Знаменской площади, они заметили приближавшийся им навстречу отряд казаков, вооруженных пиками. Врезавшись в узкое пространство между сплошною линиею домов, с одной стороны, и набережной не засыпанного еще в то время канала, казаки подъехали вплотную к двигавшейся толпе, которая вынуждена была остановиться, оказавшись замкнутой в арьергарде цепью конвоировавших ее полицейских. Становилось темно. Моросил мелкий осенний дождик, кропивший продолжавших стоять среди улицы проголодавшихся и продрогших манифестантов; а Грессер не торопился отдавать распоряжение об освобождении арестованных. Но вот, наконец, явился и он сам. Из соседнего дома принесли простой деревянный стол и табурет, на который Грессер сел. Затем он предложил демонстрантам расходиться, выходя из цепи по одному. Публика, отчасти опасаясь быть арестованною поодиночке, отчасти же желая довести свой протест до конца, потребовала от Грессера, чтобы он удалил полицию и предоставил ей расходиться по домам, как ей будет угодно. Но градоначальник на это не согласился. Публика, со своей стороны, тоже упорствовала. Наступил момент выжидания, сменившийся минутой колебания и завершившийся, наконец, отступлением большинства демонстрантов, изнуренных целым днем голода и усталости. Но все же подобралась небольшая кучка демонстрантов, в несколько десятков человек, которые не хотели расходиться иначе, как все вместе.

На этот раз уступить пришлось уже полиции и упорствующие были освобождены и отпущены все сразу. Уходя с места пленения небольшими группами в 2—3 человека, мы некоторое время крутились по улицам Петербурга и, убедившись, что ни явная, ни тайная полиция нас не преследует, разошлись по домам. В день демонстрации полиция задержала всего несколько человек, которые были освобождены поздно вечером того же дня. Но в течение нескольких последующих дней по поводу „добролюбовской демонстрации" среди студентов производились обыски и аресты, во многих случаях закончившиеся высылкою из Петербурга." [1]

Именем Добролюбова назван в Петербурге б. Александровский проспект на Петроградской стороне, на углу которого и дамбы Тучкова моста стоял временный бюст писателя, разрушенный наводнением 1924 года.

Писарев. Писарев больше чем кто-нибудь из русских критиков той поры связан с Петербургом. Он учился в б. 3-й гимназии (ныне 13-я совтрудшкола), здание которой с аршинными цифрами — 1823 — год основания гимназии на фронтоне, отлично сохранилось и доселе на Гагаринской улице, д. № 23. В Петербурге же Писарев сидел 4 года (1862—1866 гг.) в Петропавловской крепости, где написал все лучшие свои статьи, печатавшиеся в легальной русской прессе. Таким образом, получилась одна из особенно уродливых гримас русской жизни—писатель, отбывавший наказание за политические убеждения, казавшиеся опасными правительству, от того же самого правительства получил разрешение распространять совершенно открыто, в слегка только завуалированном виде, те же самые убеждения путем печати. Писарев умер летом 1868 года, купаясь в Дуббельне, под Ригой, но тело его было привезено в Петербург, и как указано выше, погребено на Литераторских мостках Волкова кладбища. Благосветлов в день похорон писал Н. В. Шелгунову: „Сегодня похоронили Писарева. Свинцовый гроб его несли до самой могилы, верст пять, молодые люди, и даже молодые дамы помогали. Человек двести шло за гробом, и я радовался, что

[1] Столпянский, Революционный Петербург, стр. 89—91.

кружок умных и честных людей понемногу растет. При похоронах Добролюбова, несмотря на то, что они были в ноябре, т. е. при полном сборе людей, понимающих его, я видел не более 50 человек. После нескольких слов, сказанных мною над могилой Писарева, две дамы, заливаясь слезами, бросились на его могилу и стали целовать ее. Я дальше не мог говорить и сам заплакал." Тут же, на могиле, во время похорон была открыта подписка, но не на памятник, а для стипендии имени Писарева. „И без памятника не потеряется его могила, — писал Благосветлов, — а это все, что нужно. Собрано было на могиле рублей 700, и авось цифра достигнет того итога, какой нужен хоть для уплаты двух матрикул двум бедным студентам".[1]

Имя Писарева присвоено в дни революции Алексеевской улице, за Мариинским театром, между улицей Декабристов и Мойкой.

Чернышевский. Наконец, с Петербургом тесно связана биография и третьего корифея русской критики 60-х годов, Чернышевского. В Петербурге он учился в университете, здесь был преподавателем во 2-й военной гимназии на Петербургской стороне, на Ждановке, и здесь же протекла вся его литературная деятельность, вплоть до 7 июля 1862 года, когда он был арестован на своей квартире в д. № 4 по Б. Московской улице, близ Владимирской церкви. Поводом к аресту послужили знаменитые петербургские пожары 1862 года, приписанные тогдашними реакционерами подстрекательству левого студенчества, „нигилистов" — как их тогда называли, идейным руководителем которых был Чернышевский. Пожары эти, действительно грандиозные, начались 16 мая 1862 года. 22 и 23 числа выгорели Большая и Малая Охта, затем почти вся „Ямская", у церкви Иоанна Предтечи на Лиговке, наконец, 26 мая Апраксин двор с толкучкой в середине, — все пространство между Чернышевым и Апраксиным переулками, — а по другую сторону Фонтанки, где тогда находились огромные дровяные склады — между Чернышевым и Щербаковым переулками, — и значительная часть Троицкой

[1] Соловьев Е., Д. И. Писарев, СПБ., 1894 г., стр. 146—147.

улицы. Во всем Петербурге не было тогда ни одной паровой пожарной трубы, и потому понятно, почему пожар сразу принял такие размеры, и почему так нелегко было справиться с огнем. „Трудно вообразить себе, пишет очевидец,[1] весь ужас этого дня, всю массу обездоленного люда".

Понятно, что в городе пошли самые разнообразные слухи, вращаясь преимущественно вокруг вопроса о поджигателях: говорили о поляках, подготовлявших тогда восстание, а больше о студентах. Особенно будоражило всех, что Апраксин двор и дровяные склады на другом берегу Фонтанки занялись одновременно, что пожар Апраксина двора был уже третьим почти в одну неделю в Петербурге, и что за пожаром в Петербурге сейчас же последовал ряд таких же пожаров в провинциальных городах. Очевидно, здесь была система, кто-то поджигал, но кто — это не выяснено и до сих пор. Может быть, революционеры, может быть, была ловкая провокация. Настроение общества нашло свое отражение в газетах — там тоже началась полемика, тем более, что во главе обвинителей „левых" выступил такой „столп", как Катков. Во всяком случае, правительство решило воспользоваться случаем и начать массовые аресты. За год до того в студенческих кругах распространились прокламации: „Великорусс" и „К молодому поколению", а потом произошли знаменитые студенческие волнения 1861 года, повлекшие за собой закрытие университета и отставку ректора Плетнева. В качестве одного из распространителей этих прокламаций был арестован тогда известный поэт-переводчик М. Л. Михайлов, который так и умер в Сибири в 1865 году. Пожары связали с этими прокламациями, а в составлении их обвинили Чернышевского, который сначала просидел два года в Петропавловской крепости, где написал „Что делать", затем был судим и приговорен к лишению всех прав состояния и 14-летней каторге. Александр II утвердил приговор с сокращением только 14-летнего срока на 7-летний. Процедура лишения осужденного гражданских прав, следуя традициям, идущим еще от процесса декабристов и дела петрашевцев, со

[1] Пантелеев Л. Ф., На славном посту, сборник, стр. 317.

всей ее мрачной картинностью, была проделана 5 мая 1864 года на так наз. Мытном дворе, на Песках, где теперь каменные сараи, а тогда была только обширная пустая площадь. Заимствуем из книги П. Н. Столпянского [1] рассказ очевидца об этом событии: „Я на площади. Высокий, черный столб с цепями, эстрада, окруженная солдатами, жандармами и городовыми, поставленными друг возле друга, чтобы держать народ на благородной дистанции от столба. Множество людей, хорошо одетых, кареты, генералы, снующие взад и вперед, хорошо одетые женщины, — все показывает, что происходит нечто чрезвычайное. Какая-то старуха предложила мне скамейку. „Надо сиротам хлеб заработать", — говорила она мне; если бы она взяла с меня не 10 к., а 50, то и тогда бы я с удовольствием взял бы скамью, потому что публики набралось слишком много, и мне уже приходилось стоять в третьем ряду. „Смирно", раздалась команда, и вслед затем карета, окруженная жандармами с саблями наголо, подъехала к солдатам... Толпа ринулась к карете. Раздались крики: „Назад!" Жандармы начали теснить народ, вслед затем три человека пошли быстро по линии солдат к эшафоту: это были Чернышевский и два палача. Раздались сдержанные крики передним: „Уберите зонтики". И все замерло. На эстраду вошел какой-то полицейский. Скомандовал солдатам: „На караул!" Палач снял с Чернышевского фуражку, и затем началось чтение приговора. Чтение это продолжалось около четверти часа. Никто не мог слышать. Сам же Чернышевский, знавший его еще прежде, менее, чем всякий другой, интересовался им. Он, повидимому, искал кого-то, беспрерывно обводя глазами всю толпу, потом кивнул в какую-то сторону раза три. Наконец, чтение кончилось. Палачи опустили его на колени и сломали над головой шпагу, и затем, поднявши его еще выше на несколько ступенек, взяли его руки в цепи, прикрепленные к столбу. В это время пошел очень сильный дождь, палач надел на него фуражку. Чернышевский, поблагодарив его, поправил фуражку, насколько позволяли ему его руки, и затем, заложивши

[1] Столпянский П. Н., Революционный Петербург, стр. 202—204.

рука в руку, спокойно ожидал конца этой процедуры. В толпе было мертвое молчание... По окончании церемонии все ринулись к карете, прорвали линию городовых, схвативших друг друга за руки, и только контр-усилиями жандармов толпа была отделена от кареты. Тогда были брошены Чернышевскому цветы. Карета повернула назад, и, по обыкновению всех поездок с арестантами, пошла шагом... Нужен был какой-то сигнал, чтобы совершилась овация. Этот сигнал подал очень молодой офицер. Снявши фуражку, он крикнул: „Прощай, Чернышевский". Этот крик был немедленно поддержан и потом сменился еще более колким словом: „До свиданья"...

Именем Чернышевского назван в Петербурге 6. Воскресенский проспект, идущий параллельно Литейному от Кирочной ул. до набережной Большой Невы за Александровским мостом.

Плеханов. С именем другого знаменитого русского публициста, основателя русской марксистской критики, являющегося прямым продолжателем Чернышевского, Плеханова связано воспоминание о событии, разыгравшемся на другой площади Петербурга, гораздо более популярной, чем окраинный пустырь Мытного двора. Мы говорим о площади перед Казанским собором, на которой царское правительство приказало разбить цветник только для того, чтобы на ней не повторялись события, подобные тому, которое мы имеем в виду. Событие это — демонстрация 6 декабря 1876 года, организованная землевольцами для протеста против реакции, уже сменившей к этому времени предшествовавшую либеральную эпоху царствования Александра II. Рабочие и студенты собрались в количестве до 1 000 человек частью в соборе, где отслужили молебен оздравии раба божия Николая (имелся в виду Николай Гаврилович Чернышевский, уже больше 10 лет к тому времени томившийся в ссылке), частью на паперти и в колоннаде собора; и здесь молодой Плеханов, тогда студент Горного института, произнес горячую речь, после которой впервые на Руси было выкинуто красное знамя, с вышитой на нем надписью „Земля и воля". Нечего говорить, что демонстрация была рассеяна, 30 человек из нее арестованы, и началось новое „дело", но факт

Площадь перед Казанским собором.

остается фактом — это была первая настоящая рабочая многолюдная демонстрация.

С тех пор Казанская площадь сделалась излюбленным местом политических демонстраций вплоть до демонстрации по случаю „временных правил о сдаче студентов за беспорядки в солдаты“ 4 марта 1901 года, уже на нашей памяти. „Союз писателей“, объединявший почти всю тогдашнюю литературу, за протест, направленный к министру внутренних дел, против зверской полицейской расправы с демонстрантами и тех условий, которые вызывают такие события, был немедленно же закрыт правительством, уже вступившим в открытую борьбу с общественным движением, которое вскоре вылилось в революцию 1905 года.

Возвращаясь к Плеханову, укажем, что он похоронен тоже на Литераторских мостках Волкова кладбища (на могиле его бюст на высоком постаменте), и что несколько лет спустя после его кончины, последовавшей 3 мая 1918 года, перед Технологическим институтом ему поставлен памятник работы Гинзбурга, к сожалению, очень неудачный и по трактовке и по исполнению. Фигура Плеханова, говорящего речь, мало жизненна, а рабочий с флагом, стоящий как бы у подножья кафедры, с которой говорит Плеханов, вылеплен в меньшем масштабе, что разрушает единство художественного впечатления от всей композиции и идет в разрез, по нашему мнению, с одним из основных требований изобразительного искусства. Памятник сначала предполагалось поставить на Казанской площади, переименованной в площадь Плеханова, перед собором, для ознаменования отмеченного только-что первого выступления Плеханова, но там бы он, выдержанный в строго реалистической манере, не гармонировал ни с собором, ни с монументами Кутузову и Барклаю де Толли и потому его решили перенести к Технологическому институту, здание которого с самых 70-х годов чаще чем какое-нибудь другое в Петербурге видело в своих стенах революционные собрания и оглашалось пением революционных песен.

КОНЕЦ XIX ВЕКА И НАЧАЛО XX ВЕКА.

Л. Толстой. Обращаясь теперь к ближайшему к нам времени, мы прежде всего назовем, конечно, Л. Толстого. Толстой не жил в Петербурге, но, конечно, бывал в нем. После севастопольской войны, в 1856 году, приехав в первый раз в Петербург, он вращался почти исключительно среди литераторов и жил у Тургенева (где именно, к сожалению, пока не удалось установить). Несмотря на кратковременность, это пребывание его в Петербурге было в литературном отношении весьма продуктивным — он написал здесь „Метель“ и „Двух гусаров“. Из следующих его приездов в столицу наиболее подробные сведения относятся к 1897 году, когда ему захотелось непременно лично проводить В. Г. Черткова, высылаемого, в связи с делом духоборов, за границу. Он провел тогда в Петербурге 5 дней (7 — 12 февраля), останавливался в особняке гр. А. В. Олсуфьева, д. № 14 по Фонтанке (у Пантелеймоновского моста), и посетил Черткова, жившего тогда в Гавани, родственницу свою, гр. А. А. Толстую, имевшую квартиру в Зимнем дворце, Академию художеств и А. Ф. Кони. „Моя старая прислуга сказала мне, — читаем мы в воспоминаниях Кони, — что меня спрашивает какой-то мужик. На мой вопрос, кто он такой и что ему надо так поздно, она вернулась со справкой, что его зовут Лев Николаевич. С нежным уважением провел я „мужика“ в кабинет, и мы пробеседовали целый час, причем он поражал меня своим возвышенным и всепрощающим отношением к тому, что было сделано с Чертковым. Ни слова упрека, ни малейшего выражения негодования не сорвалось с его уст“.[1]

[1] Кони А. Ф., На жизненном пути, ч. II, стр. 38.

Фактическая канва этого пребывания Толстого в Петербурге заимствована нами из донесения „шпика", все время регистрировавшего каждый шаг Толстого — донесения, ныне опубликованного.

С Петербургом тесно связана и характерная для тех лет история разрешения к печати и постановке „Власти тьмы". Драма эта, являясь первым по времени написания драматическим произведением Толстого, была окончена в ноябре 1886 года и тогда же в списках пошла ходить по рукам. Ознакомившись с ней, М. Г. Савина сейчас же помчалась к Толстому в Москву просить разрешения поставить драму в Александринском театре в ее бенефис, на что и получила согласие. Вскоре, однако, от нее же была получена телеграмма, что пьеса запрещена цензурой и не только для театра, но и для напечатания. Тогдашний начальник главного управления по делам печати Феоктистов писал гр. С. А. Толстой, что во „Власти тьмы" — „цинизм выражений, невозможные для нервов сцены" и т. п. Между тем, пьесу везде читали; как литературное произведение, она имела огромный успех, и запрещение ее цензурой прямо возбуждало умы. Наконец, 27 января 1887 года в историческом особняке гр. Воронцова-Дашкова на Английской набережной, д. № 10, состоялось чтение запрещенного произведения в присутствии Александра III, который выразил свое впечатление весьма выразительной репликой: „Чудная вещь". Непосредственным результатом этого было разрешение пьесы к печати, но свет рампы настоящего театра она увидела еще очень не скоро — лишь 18 октября 1895 года, когда ее поставили в первый раз в Александринском театре в бенефис Васильевой.

Восьмидесятилетие Толстого, а затем и его кончина в 1910 году вызвали огромный общественный интерес к идее ознаменования жизни и деятельности великого писателя. Образовались сначала „Общество имени Л. Н. Толстого", а потом, в 1911 году, и Толстовский музей, перешедший после ликвидации Общества „на вечное хранение" в Академию Наук. Музей сначала находился в частном доме, а теперь занимает великолепное помещение в обширном здании по Тучковой набережной Васильевского острова под № 2-а, где сконцентрирован и ряд

других учреждений Академии. Музей собирает и хранит то, что имеет прямое или косвенное отношение к Толстому, издает рукописи и документы о жизни и деятельности писателя, регистрирует по мере сил все выходящие в России и за границей издания его сочинений и литературу о нем. Музей посещается многочисленными экскурсантами и имеет при себе читальный зал. Других памятников Толстому в Ленинграде нет — переименована только в революционные годы Архиерейская улица на Петроградской стороне в улицу Льва Толстого.

Из крупных поэтов конца века в Петербурге жили и скончались А. Майков, Полонский и Надсон.

А. Майков. О Майкове известно, что жил он и умер 8 марта 1897 года в доме на углу Садовой ул. и Екатерингофского просп., против Юсупова сада, а похоронен в Новодевичьем монастыре (если итти в глубь кладбища от могилы Некрасова). На могиле — памятник в виде простого четырехугольного креста, утвержденного на скале с надписью: „Слава тебе, показавшему нам свет“, и профильным барельефом поэта.

Полонский. Говоря о Полонском, приходится вспомнить его пятницы, на которых одно время бывал весь петербургский литературный и музыкальный мир, преимущественно поэты, образовавшие вскоре так наз. „Кружок Полонского“, собиравшийся долго еще после кончины своего основателя у поэта К. К. Случевского. Полонский жил много лет на углу Знаменской и Бассейной, в пятом этаже дома б. Ралля, № 26/38. На доме этом доска, на самом углу, со стороны Знаменской, гласящая, что здесь он и скончался 18 октября 1898 года.

Сам Полонский, — вспоминает И. И. Ясинский, — пока шумели, пели, играли и спорили гости в большом зале, просиживал в кабинете, где стоял полусумрак, курил крепкие сигары, пил чай и кому-нибудь из любителей поэзии читал свои, еще не вышедшие в свет, стихотворения, загробным певучим голосом в той манере, которая в последнее время вошла опять в моду. По словам Полонского, Пушкин также читал свои стихотворения нараспев.

Надсон. Третьим поэтом, вся жизнь и деятельность которого протекла в Петербурге, был безвременно погибший (от туберкулеза) Надсон, вла-

ститель дум нескольких поколений русской молодежи. Учился он во 2-м кадетском корпусе (еще тогда 2-й военной гимназии) и в Павловском военном училище на Петроградской стороне, служил офицером в Кронштадте, постоянно приезжая в отпуск в Петербург, где у него были все связи и знакомства (Плещеев, Гаршин, Щегловлеонтьев, Мережковский). Правда, умер он на дальнем юге, в Ялте (19 января 1887 года), но прах его перевезен в Петербург и покоится на тех же Литераторских мостках Волкова кладбища, недалеко от могил Белинского и Добролюбова. Похороны Надсона были очень торжественные. Молодежь всю дорогу от вокзала до кладбища несла тяжелый свинцовый гроб на плечах. Над открытой могилой Гаршин читал известное стихотворение Полонского, посвященное памяти поэта. Бюст, работы Антокольского, где Надсон изображен в вдохновенной позе, как на известной фотографии, вскоре воздвигнутый на могиле, увезен теперь Обществом „Старый Петербург" в свои склады на хранение.

Гаршин.

Говоря о Полонском и Надсоне, мы упоминали о Гаршине. В. М. Гаршину, этому так много обещавшему, изумительному по чистоте душевной, писателю тоже было суждено окончить свои дни в Петербурге. Мучимый приступами болезненной тоски, близкий к новому психическому расстройству, он в марте 1888 года мечтал бежать из Петербурга в Кисловодск к Ярошенкам [1] и там отдохнуть и успокоиться, но неумолимая судьба хотела иного. Трагическое событие, подстерегавшее его и так преждевременно порвавшее нить его жизни, произошло в ночь на 19 марта, когда вещи уже были уложены, и все было готово к отъезду. Вот как сам Гаршин, бывший в сознании еще несколько часов, передавал А. Я. Герду, [2] как все случилось: „Вдруг я просыпаюсь и чувствую, что невидимая всемогущая сила велит мне встать и итти на лестницу. Я шел, как во сне, и спустился этажом ниже. Тут меня непреодолимо потянуло через перила. Я перелез их, ловко, держась руками за железные прутья, и хотел уже сбро-

[1] Известный художник 80 — 90-х годов.
[2] Известный педагог.

ситься, как мне стало совершенно ясно, что я делаю не то, что следует. Но силы меня оставили, и я грохнулся вниз. О, как мне стыдно! Все теперь скажут, что я покушался на самоубийство. Какой стыд! Какой стыд!". При падении Гаршин получил перелом ноги и сотрясение мозга. Произошла эта драма в одном из домов по Дмитровскому переулку, где в верхнем этаже надворного флигеля жили Гаршины. Несчастного перевезли в больницу Красного Креста по Бронницкой, д. № 9, и там он и скончался через пять дней, 24 марта 1888 года, находясь все время в бессознательном состоянии.

Похороны Гаршина состоялись на Волковом кладбище на Литераторских мостках, и были очень торжественные, многолюдные.

Чехов. Подходя к рубежу века, мы должны прежде всего помянуть Чехова, именем которого недавно назван б. Эртелев переулок, между улицей Некрасова и улицей Жуковского. Связь Чехова с Петербургом проходит через всю его биографию, хотя он и был душой москвич и в Петербург наезжал сравнительно редко. Здесь можно отметить три факта весьма большого значения. Прежде всего, сотрудничество Чехова в „Осколках", а затем в „Новом Времени" и то покровительство, которое оказывали молодому, начинающему писателю старый литератор Н. А. Лейкин, редактор „Осколков", и А. С. Суворин, издатель „Нового Времени". Оба они, можно сказать, взростили Чехова, как настоящего писателя, помогли ему войти в большую литературу. Следующим этапом уже были „толстые журналы" — сначала „Северный Вестник", потом „Русская Мысль". Лейкина Чехов считал своим восприемником. Суворин, сам даровитый журналист, умел различать таланты и прямо носился с Чеховым, предоставляя ему не только страницы самой распространенной тогда в России газеты, но и личное гостеприимство. Известно, что во все свои приезды в Петербург до конца 90-х годов Чехов неизменно останавливался у Суворина, сначала на М. Итальянской, д. № 18 (ныне улица Жуковского), а потом в том великолепном доме „Нового Времени" (№ 6), который с 1893 года стал украшать Эртелев переулок, ныне переименованный. В конце 90-х годов дыхание приближавшегося

общественного подъема сначала отдалило Чехова от Суворина, а затем привело и к полному прекращению прежних отношений, чему немало способствовало, между прочим, знаменитое дело Дрейфуса.

У Суворина, в его кабинете в вышеуказанном доме, Чехов ищет утешения и в ту памятную ночь на 18 октября 1896 года, когда, совершенно убитый провалом первого представления „Чайки" на Александринской сцене, после долгого блуждания по городу он вернулся домой, чтобы с первым утренним поездом бежать в Москву. Провал объясняется тем, что специфическая публика, пришедшая на бенефис Левкеевой, актрисы на характерные роли пожилых женщин из купеческого или мещанского сословия, выбравшей почему-то для своего бенефиса „Чайку", совершенно не поняла новой во многих отношениях пьесы, хотя и разыгранной с большим одушевлением самыми лучшими силами труппы.[1] Не нашла сразу верного тона и тогдашняя критика, которая только после постановки „Чайки" в Московском Художественном театре спустя несколько лет признала за пьесой ее подлинные художественные достоинства. Это второй момент в биографии Чехова, связанный с Петербургом, тяжелый для него, но ликвидированный всем дальнейшим ходом событий. Наконец, третье петербургское событие в жизни Чехова — это покупка у него в 1899 году Марксом, издателем „Нивы", права на издание всех его сочинений в качестве приложений к названному журналу, за что Чехов получил 75 000 р. (выплаченные ему в два года), в значительной степени обеспечившие ему в материальном отношении последние грустные годы его жизни, когда он больше болел, чем писал.

Горький. Переходя теперь уже к началу нашего века, отметим моменты, связанные с Петербургом прежде всего в биографии Горького. „Проживая зимой текущего (1901) года в Петербурге, — читаем мы в секретном сообщении директора департамента полиции Зволянского начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, — Пешков вращался в группе оп-

[1] Комиссаржевская, Стрепетова, Жулева, Стрельская, Давыдов, Варламов, Свободин, Далматов, Аполлонский.

позиционно-радикальных писателей, принимая участие в агитации и возбуждении общества по поводу демонстрации 4 марта сего года на площади у Казанского собора,[1] и подписал, в числе других, составленный по поводу этого события протест Союза взаимопомощи русских писателей". Отметим здесь, что знаменитая „Песня о буревестнике", написанная в том же 1901 году, навеяна определенно событием 4 марта. Четыре года спустя, перед самым 9 января 1905 года, мы опять видим Горького в Петербурге. Он живет на Знаменской, в одной квартире с литератором Пятницким, который недавно только на страницах „Ленинградской Правды"[2] подробно осветил участие Горького в упомянутых событиях, известное до сих пор лишь в общих чертах. Горькому принадлежит предложение, сделанное им вечером 8 января в редакции газеты „Наши Дни" на собрании писателей, журналистов и общественных деятелей, „ехать к министрам" — предупредить, что рабочие идут с самыми мирными целями, и требовать, чтобы войска были убраны с улиц столицы. Он участвовал в депутации, ничем не кончившейся, а на другой день, когда к нему на квартиру стали приходить рабочие и рассказывать об ужасах дня, потрясенный, написал „Обращение депутатов к обществу", которое стало главным обвинением против него, когда он вскоре был арестован. Арест произошел в Риге, куда Горький уехал вечером 10 января. Его привезли в Петербург и поместили в один из казематов Петропавловской крепости. О своем заключении Горький, прося Пятницкого прислать ему книги для занятий писал, что ему „недурно" и что он, если получит просимое, „заживет великолепно". Действительно, за месячное пребывание Горького в Петропавловской крепости он успел написать пьесу „Дети солнца", отразившую свежие впечатления от пережитого 9 января. Освобожден был Горький, с обязательством немедленно же выехать из Петербурга, 14 февраля — главным образом в силу того, что европейская и американская пресса требовала этого освобождения. Горький немедленно уехал в Ригу, дело же

[1] См. выше.
[2] Январь — март 1927 года.

осенью того же года правительство вынуждено было подвести под амнистию.

Короленко. Другой современник Горького, деливший с ним славу и влияние, Короленко, тоже крепко связал свое имя с Петербургом. В 900-х годах большую роль в народнических кругах играл журнал „Русское Богатство", переименованный во время войны в „Русские Записки", одним из руководителей которого был Короленко. Редакция журнала помещалась в д. № 9 по Басковой улице. Улица эта, после кончины писателя в 1921 г. в Полтаве, переименована в улицу Короленко.

Блок. В том же 1921 году русская литература потеряла еще писателя, характерного больше для предреволюционного периода, но тем не менее ответившего на призыв революции произведением, которое сразу же стало одним из перлов русской литературы. Мы говорим о „Двенадцати" и авторе поэмы А. Блоке. Он неожиданно для многих, всего 40 лет от роду, умер от тяжелой болезни сердца 7 августа 1921 года в Петрограде в д. № 57 по Офицерской ул. (ныне Ул. Декабристов)

В доме сером и высоком,
у Морских ворот Невы.

(А. Ахматова.)

Болезнь подкрадывалась незаметно, но уже в начале лета, после триумфов в Москве, где он выступал, приковала поэта к постели. Предполагалось везти больного в санаторию в Финляндию, но было уже поздно. Несмотря на уход, покой, лечение, питательный стол (в те тяжелые времена), воспаление обоих сердечных клапанов и психастения быстро сделали свое дело...

Похоронили Блока на Смоленском кладбище на Гинтеровских мостках, далеко по большой дороге, влево. Маленький холмик с простым деревянным белым крестом отличает место, где покоится прах столь безвременно скончавшегося лирика. Блок родился в Петербурге, в ректорском доме Университета (рядом с главными воротами с набережной), в квартире, с окнами на Неву, деда — ректора А. Н. Бекетова, у которого жила мать поэта, разошедшаяся с мужем, учился в б. Введенской гимназии (ныне 193-я совтрудшкола) на Большом проспекте Петроградской стороны и всю жизнь прожил в

Петербурге, называя его своим городом. Отсюда ряд петербургских мотивов, рассеянных по всему полю его творчества. Нева у Блока суровая, говорит Н. П. Анцыферов,[1] жутко колышатся в ней „вечно холодные", „черные" воды, „сулящие забвение навсегда"; воздух — полный пыли и копоти; „лежит пластами пыль"; „встала улица, серым полна, заткалась паутинною пряжей"; „фабричная гарь"; „в высь изверженный дым застилает свет зари". Большие улицы, бесконечные проспекты с нитями фонарей, уходящих во мрак, полны вечерних содроганий. „Были улицы пьяны от криков, были солнца в сверканьи витрин". И потоки экипажей, и летящий мотор, поющий „снежной мгле победно и влюбленно", или, „черный, тихий, как сова", пролетает он, „брызнув в ночь огнями". Все эти образы сливаются в один — „Гулкий город, полный дрожи". Примыкая в своем отношении к Петербургу к Гоголю, Блок не выделяет отдельных мест города, а говорит все время о нем, как о целом.

Есенин.

Остается сказать теперь еще о другой, еще более неожиданной катастрофе, унесшей от нас совсем уж недавно поэта, можно сказать, целиком принадлежащего революции, — катастрофе, разразившейся в доме № 10 по Вознесенскому проспекту (ныне Проспект Майорова), где помещается старая гостиница Hôtel d'Angleterre. В ночь на 29 декабря 1926 года в одном из ее номеров, в припадке острого нервного расстройства, покончил с собой молодой, но уже много обещавший в будущем поэт-крестьянин С. А. Есенин.[2] За два предшествовавшие года он два раза покушался на самоубийство и незадолго совсем до рокового дня покинул психиатрическую больницу. Приехав в Ленинград, чтобы „начать новую жизнь", он, очевидно, не почувствовал в себе неистраченных сил для нее и „сам казнил себя", как выразился один из его друзей в своих воспоминаниях о почившем. Из подъезда этой гостиницы в морозное утро 29 декабря вынесли его тело, чтобы торжественно перевезти его в Москву, которую, как рязанец, он считал своим родным городом.

---

[1] „Душа Петербурга", стр. 193.

[2] Повесился на трубе парового отопления около окна, — первого от среднего балкона вправо, если стоять перед домом.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От автора 3

XVIII век 5

Кунсткамера (5). Ломоносов (6). Начало русского театра (8). Державин и Фонвизин (12). Радищев (14).

Первая половина XIX века 16

Декабристы (18). Грибоедов (21). Карамзин (22). Жуковский (23). Крылов (24). Пушкин (30). Лермонтов (42). Гоголь (44). Герцен (50). Белинский (54). Лавка Смирдина (56).

Вторая половина XIX века 58

Достоевский (58). Тургенев (62). Гончаров (64). Крестовский (65). Некрасов (66). Салтыков-Щедрин (68). Помяловский (69). Добролюбов (69). Писарев (72). Чернышевский (73). Плеханов (76).

Конец XIX и начало XX века 79

Л. Толстой (79). А. Майков (81). Полонский (81). Надсон (81). Гаршин (82). Чехов (83). Горький (84). Короленко (86). Блок (86). Есенин (87).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ

Колосов Е. Е. — В русской Бастилии. Шлиссельбургская крепость и ее прошлое. Стр. 100. Ц. 60 к.

Морозов В. В. и Б. О. Ольсен. — Экскурсии и прогулки в окрестности Москвы. Более 100 маршрутов. С прилож. схематич. карты окрестностей Москвы. Стр. 32. Ц. 50 к.

Окрестности Ленинграда. Путеводитель. Под ред. Б. Брюллова и М. Сергеева. 30 автотипий, 7 карт и 5 планов. Стр. 384. Справочн. свед. — 32. Ц. 2 р., в пер. 2 р. 25 к.

Столпянский П. — Адмиралтейский остров. Сад трудящихся. Историко-художественный очерк. Стр. 192. Ц. 1 р. 65 к.

Столпянский П. — Вверх по Неве От Санкт-Питер-Бурха до Шлюшина. Путеводитель. Стр. 63. Ц. 15 к.

Столпянский П. — Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. Стр. 148, 2 листа планов. Ц. 1 р.

Столпянский П. — Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Питер-Бурх. Стр. 376. Ц. 70 к.

Столпянский П. — Петергофская перспектива. Историко-художественный очерк. Санкт-Петербург. Стр. 70. Ц. 50 к.

Столпянский П. — Петропавловская крепость — колыбель Петербурга и защита самодержавия. Стр. 56. Ц. 90 к.

Столпянский П. — Революционный Петербург. Стр. 208. Ц. 60 к.

Столпянский П. — Старый Петербург. Петропавловская крепость. Историко-художественный очерк. Стр. 134. Ц. 70 к.

Столпянский П. — Старый Петербург. Дворец Труда. Историч. очерк. Ц. 35 к.

МУЗЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ

Бакушинский А. — Музейно-эстетические экскурсии. Стр. 20. Ц. 7 к.

Голлербах Э. — Дворцы-музеи. Собрание Палей в Детском Селе. Стр. 69. Ц. 80 к.

Кубе А. — Государственный Эрмитаж. Путеводитель по отделению Средних веков и эпохи Возрождения. Стр. 71. Ц. 40 к.

Лобанов В. — Подмосковные. Стр. 64. Ц. 15 к.

Лукомский Г. — Дворцы-музеи Царского Села. Краткий каталог музея Александровского дворца. Стр. 48. Ц. 20 к.

Лукомский Г. — Дворцы музеи Царского Села. Краткий каталог музея Большого Екатерининского дворца. Стр. 98. Ц. 40 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

80 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Ж 37/299
15

В. Е. ЕВГЕНЬЕВ-МАКСИМОВ

В ТИСКАХ РЕАКЦИИ

К столетию рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина

Стр. 136. Ц. 1 р. 10 к.

Предлагаемая вниманию читателей работа является непосредственным откликом на столетие рождения великого сатирика. В ней освещается один из наиболее важных, если не самый важный, периодоз в его жизни и литературно-общественном служении — период его работы в „Отечественных Записках", т. е. конец 60-х годов, 70-е и 80-е годы, освящается, преимущественно с стороны той упорной, последовательной самоотверженной, временами приобретавшей трагический колорит, борьбы с реакцией как политической, так и социальной, которую вел Салтыков и сотрудники руководимого им журнала.

И. ЯСИНСКИЙ

РОМАН МОЕЙ ЖИЗНИ

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

Стр. 360. Ц. 2 р.

Воспоминания Ясинского охватывают период 1850 — 1925 гг. и по одному тому признаку вызывают известный интерес. Если же принять во внимание, что на всем протяжении „романа" широко рисуется быт разных эпох, что автор рассказывает о своих встречах с Некрасовым, Нечаевым, Кибальчичем, Лесковым, Салтыковым, Гончаровым, Гаршиным, Тургеневым и рядом других писателей и общественных деятелей, то станет ясной большая историческая и историко-литературная ценность воспоминаний.

М. ЛЕМКЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 1860 гг.

(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Издание 2-е

Стр. 684. Ц. 3 р.

Особенный интерес имеют материалы, относящиеся к делу М. И. Михайлова, делу Н. Г. Чернышевского, делу „Карманной типографии" и Д. И. Писарева.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

HECKMAN
BINDERY INC.
SEP 92
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00008163337